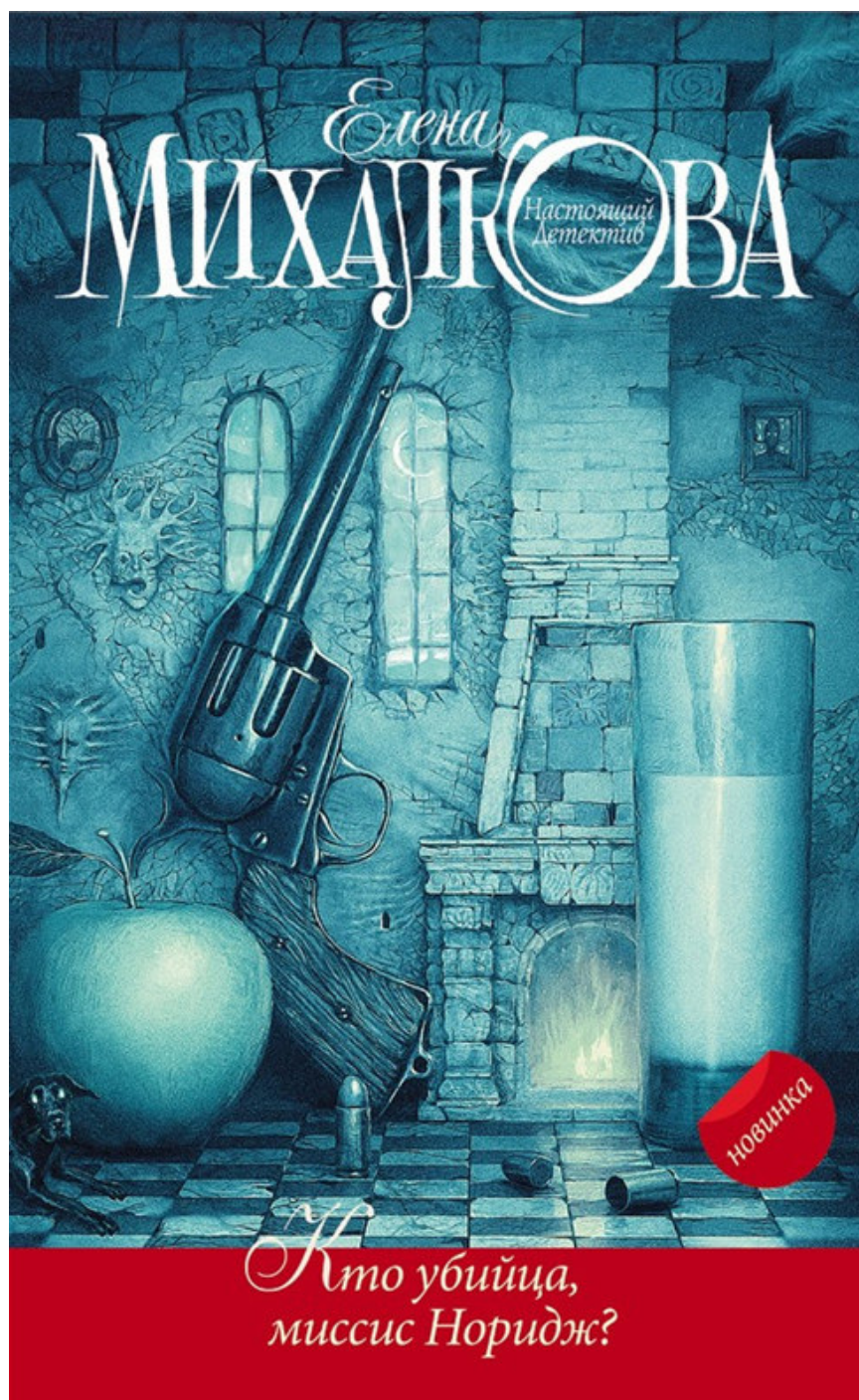

Елена Михалкова

Кто убийца, миссис Норидж?

М.: АСТ, 2013

Содержание:

- Елена Михалкова. Восемь принципов миссис Норидж (рассказ)
- Елена Михалкова. Роб Хэмиш, трус (рассказ)
- Елена Михалкова. Перчатки Глории Кэдиш (рассказ)
- Елена Михалкова. Призрак поместья Эштонвилл (рассказ)
- Елена Михалкова. Дело о мертвой собаке (рассказ)
- Елена Михалкова. Кто убийца, миссис Норидж? (рассказ)

Елена Михалкова

Призрак поместья Эштонвилл

По галерее, освещенной мертвенным лунным светом, бежала женщина. Подол ночной рубашки путался у нее в ногах, босые ступни были сбиты в кровь. Через каждые несколько шагов она затравленно озиралась.

Ее настигала тьма.

Ветер пригнал рваные облака. словно развевающиеся космы злой колдуньи, они все больше закрывали луну, и галерея неумолимо погружалась в темноту.

Из этой тьмы женщина отчетливо слышала шорох шагов.

Ужас гнал ее все дальше – до тех пор, пока она не свернула вправо. И сразу поняла, что сделала ошибку. Правый коридор заканчивался тупиком.

Вернуться, вернуться скорее! Другой путь выведет ее из этого страшного дома.

Она бросилась назад, но вскрикнула и отступила.

Темнота застыла в узком горлышке коридора, словно забивший бутылку комок водорослей. Женщина попятилась, не сводя с него глаз. Там, в переплетении черных щупалец, шевелилось и всхлипывало то, чему она не могла дать названия.

Воздух вокруг стал плотным, густым и липким. Он обволакивал, как сироп увязшую в нем муху.
– Нет! Нет!..

Из груди женщины вырвалось отчаянное рыдание. Собрав последние силы, она дернулась, вырываясь из невидимой паутины, отступила и замерла, прижимаясь спиной к стене. Дальше бежать было некуда.

На несколько секунд все стихло. У женщины мелькнула крошечная надежда, что на этот раз все обойдется.

А затем темнота подалась к неподвижной фигуре и поглотила ее.

И тогда безумный дикий хохот сотряс древние стены поместья Эштонвилл.

Отрывок из письма, полученного Эммой Норидж:

«...Моя дорогая Эмма! Я никогда не обращалась к тебе с просьбами, но, боюсь, сейчас вынуждена это сделать.

Последний год до моего отъезда я работала в семье Эштонов. Моей подопечной была семилетняя Лилиан. Не стану скрывать, что я очень привязалась к этой девочке. Она умна и добра, а склад характера имеет более созерцательный, чем подвижный. Обычно я легко нахожу общий язык с такими детьми, и Лилиан не стала исключением.

Моему уходу из их семьи предшествовали некоторые не совсем обычные обстоятельства. Все началось с того, что мистер Эштон приютил в своем доме овдовевшую кузину, Шарлотту Пирс. Вскоре после этого в поместье начали происходить странные вещи. Без видимой причины уволились сразу двое слуг, а еще один впал в состояние, близкое к помешательству. Двое уволившись, люди простые и не склонные к экзальтации, говорили, что им не по себе в стенах дома. Но больше я ничего не смогла добиться от них.

Происходящее было тем невероятнее, что внешне все выглядело по-прежнему более чем пристойно. Миссис Пирс – тихая леди, хотя и чудаковатая. Она никогда не ссорилась ни с мистером Эштоном, ни с его женой, а к Лилиан отнеслась с искренней теплотой (девочка платила ей тем же). Однако обстановка в поместье стала угнетающей и тягостной. Чтобы

передать тебе, до какой степени мне было тяжело, скажу лишь одно: когда мистер Эштон сообщил, что они больше не нуждаются в моих услугах, я испытала большое облегчение...

Как тебе известно, вскоре я вышла замуж и уехала. И вот прошло уже четыре месяца, но меня до сих пор не покидает тревога за Лилиан Эштон...

А теперь перехожу к моей просьбе. Ты, наверное, уже догадалась, к чему я веду.

Дорогая Эмма, если ты еще не нашла новую подопечную, прошу тебя, нет, умоляю – поезжай в Эштонвилл. Гувернантки там сменяются часто, и вероятность, что место будет вакантно, довольно велика.

Каждый день я думаю о Лилиан, и эти мысли вселяют в меня страх. Теперь, четыре месяца спустя, я по-прежнему убеждена, что нечто ужасное поселилось в Эштонвилле, и всем, кто там живет, угрожает опасность.

Я знаю, что прошу о многом, и не упрекну тебя, если ты откажешься. Но я знаю также, что если кто-то и сможет помочь этому ребенку, то лишь ты с твоим здравомыслием, проницательностью и умом.

Быть может, мои тревоги – лишь плод моего воспаленного воображения, и ты развеешь их первым же письмом. Я всей душой надеюсь на это!

*Любящая тебя,
Кэтрин».*

– Итак, мисс Норидж...

Генри Эштон придвинул к себе рекомендательные письма.

Это был высокий сухопарый джентльмен с благородной посадкой головы и львиной гривой седых, почти серебристых волос. Щеки мистера Эштона слегка обвисли, лицо было того желтоватого оттенка, который присущ людям, проводящим больше времени в кабинете, чем на свежем воздухе. Меж бровей залегла глубокая вертикальная морщина.

– Миссис Норидж, – поправила гувернантка. – Я вдова.

Ей показалось, что при этих словах мистер Эштон бросил на нее быстрый тревожный взгляд. Но сразу отвел глаза.

– Миссис Норидж, простите... – исправился он. – Итак, вы ищете место.

– Именно так, сэр.

– Имея на руках превосходные рекомендации.

– Благодарю вас.

Мистер Эштон побарабанил тонкими пальцами по столу. Казалось, рекомендательные письма прилипли к нему не по душе.

– Вам сообщили об условиях, миссис Норидж?

– В общих чертах, сэр.

– Выходной – вторая половина последней субботы месяца, оплата – тридцать фунтов в год.

Миссис Норидж слегка наклонила голову. Тридцать фунтов она получала за полгода. Не говоря уже о еженедельном выходном. Если постоянно имеешь дело с детьми, отдыха много не бывает.

Неудивительно, что мистера Эштона смутили отличные рекомендации. Для гувернантки с ее репутацией условия просто смехотворные.

– Лилиан – своеобразный ребенок, – медленно проговорил Генри Эштон. – У нее бывают... м-м-м... странности в поведении.

Он подождал, не проявит ли сидящая перед ним женщина любопытства. Но миссис Норидж терпеливо ждала продолжения.

– Буду откровенен: две предыдущие гувернантки не справились с ней, – признался мистер Эштон.

– Если взрослый говорит, что он не справляется с ребенком, это означает, что он не справляется с собой, – заметила миссис Норидж. – Поверьте, мне это не грозит.

– Рад это слышать.

Генри Эштон встал и в задумчивости подошел к окну. Оно выходило в сад, где цвели красные розы.

Миссис Норидж увидела, как из-за угла дома показалась высокая женщина в черном платье. Она шла очень медленно, то и дело останавливаясь и срывая головки со стеблей.

Сорванные цветы женщина роняла на землю. Брошенные бутоны пламенели на дорожке, как алые капли. Казалось, за идущей остается кровавый след.

Но взгляд гувернантки был прикован не к странной женщине, а к хозяину дома. От ее внимания не ускользнуло, что при виде фигуры в черном Генри Эштон отшатнулся.

Резким движением он задернул штору, и в комнате воцарился полумрак.

– Так о чем мы говорили?

Он рассеянно потер лоб.

– Об условиях моей работы, – напомнила миссис Норидж.

– Да, конечно... Этот дом очень стар и, к сожалению, не слишком уютен. Комната, отведенная для гувернантки, очень маленькая и окнами выходит на север. Я попрошу своего помощника, чтобы он показал ее. Возможно, аскетичность обстановки придется вам не по вкусу.

Миссис Норидж покачала головой:

– Благодарю вас, сэр. Обстановка не имеет для меня большого значения.

– Не хотите даже взглянуть? До вас две претендентки сразу ответили отказом, увидев комнату.

– Это не повлияет на мое решение, сэр. Я принимаю предложение. Если, конечно, я вас устраиваю.

Генри Эштон всмотрелся в гувернантку внимательнее. В той небрежности, с которой она произнесла последнюю фразу, читалось: «Разумеется, устраиваю. Иначе и быть не может». И ему пришлось признать, что она права.

Перед ним сидело идеальное воплощение гувернантки. Дети рядом с такой всегда вышколены, жены не беспокоятся за нравственность своих мужей, слуги соблюдают уважительную дистанцию. Высокая, худая и прямая, как трость, она смотрела на него с достоинством человека, знающего себе цену.

Внутренний голос Генри Эштона вдруг явственно шепнул, что будет ошибкой нанять эту женщину. Но мистер Эштон постарался заглушить его. Гувернантки не выстраивались к ним в очередь в поисках работы. Дурные слухи расползаются так быстро...

– Что ж, – сказал он, – в таком случае, добро пожаловать в Эштонвилл, миссис Норидж.

Комната и впрямь оказалась крохотной, тесной и промозглой. Миссис Норидж поставила саквояж на пол и подошла к окну, за которым уже смеркалось.

Ничего странного, что кто-то отказался поселиться здесь. Вид на кладбище не каждому по душе.

Сквозь узкие створки можно было рассмотреть обветшалую стену часовни. На ветке высохшей липы сидела ворона и каркала пронзительно и тоскливо. Ее вопли разносились далеко по окрестностям.

Человеку, наделенному богатой фантазией, могло бы прийти в голову, что мрачная птица созывает покойников. Порывы ветра волновали траву на кладбище, и нетрудно было представить, будто могильные плиты понемногу сдвигаются.

Но миссис Норидж была человеком, начисто лишенным воображения. При виде вороны, зловеще каркающей над могилами, она подумала лишь об охотничьем ружье. А если бы какой-нибудь мертвец вздумал восстать из своего истлевшего гроба, Эмма Норидж строго призвала бы его к порядку и настоятельно рекомендовала вернуться на место.

«Моя жена уезжает на несколько дней к подруге и берет Лилиан с собой, – предупредил Генри Эштон. – Вы можете пока обживатьсь. Или возвращайтесь к нам в начале следующей недели».

Гувернантка выбрала первый вариант. В отсутствие девочки можно спокойно осмотреться и понять, чем так пугал Кэтрин дом Эштонов.

Пока она не увидела ничего особенного. Конечно, если не считать сырости.

«От плесени куда больше зла, чем от соседства с покойниками», – подумала миссис Норидж. И пошла на кухню за своим стаканом молока.

На следующее утро, едва лишь сонный городок начал пробуждаться, Эмма уже стояла перед дверью писчей лавки. Она уже мысленно начала сочинять ответ подруге. *«Моя дорогая Кэтрин, твоя богатая фантазия сыграла с тобой злую шутку...»*

Жизнерадостный толстяк, стоявший за прилавком, выложил перед ней несколько упаковок.

– Могу рекомендовать эту, – вежливо сказал он, доставая лист веленовой бумаги. – Очень гладкая, но в то же время перо не скользит. Не желаете попробовать?

Пока миссис Норидж выводила несколько слов, толстяк восхищенно наблюдал за ней. Какая осанка! А этот римский нос! Не чета легкомысленным вздернутым и курносым. Если бы он раньше видел такое лицо, непременно запомнил бы.

– Вы ведь у нас впервые? Надеюсь, город вам понравится.

– Не уверена, что у меня будет возможность близко познакомиться с ним, – отозвалась миссис Норидж. – Я из Эштонвилла...

Она не успела договорить – хозяин магазина дернулся и опрокинул чернильницу.

По желтоватой бумаге расплылись темно-синие пятна. Они быстро переползли на стол, подобрались к открытой пачке, но миссис Норидж спасла листы от гибели.

Прибежавшая на шум пухленькая кудрявая женщина, по всей видимости, жена хозяина, помогла вытереть чернила. Жизнерадостность толстяка словно испарилась. Он хмуро молчал, сопел, но наконец не выдержал:

– Дом Эштонов – не самое хорошее место. Не знаю, слышали ли вы об этом...

– Дом Эштонов? – Женщина вскинула голову. – Бог ты мой, мэм, что вас туда привело?

– Я – новая гувернантка мисс Лилиан, – сказала миссис Норидж, наблюдая за ними.

Муж с женой переглянулись.

– Маргарет... – нерешительно начал мужчина.

– Ты как хочешь, Джон, а я скажу.

– Если это дойдет до мистера Эштона, он не обрадуется.

Но его жена уже повернулась к миссис Норидж:

– Послушайте, мэм, Эштонвилл – плохое место, в самом деле плохое. Не стоит вам там оставаться.

– Ох, Маргарет...

– Нет, Джон, я не хочу, чтобы повторилась прежняя история.

– Мы не знаем наверняка...

– Знаем! – оборвала его взволнованная женщина. – В поместье Эштонов обитает призрак. Это чистая правда.

Миссис Норидж не удивили ее слова. Она лишь пожала плечами:

– Во многих старых домах живут привидения. У них есть поразительное качество – они повышают стоимость недвижимости.

Маленькая кудрявая женщина всплеснула руками:

– Вы думаете, что сэр Генри набивает цену своему поместью? Нет, мэм, дело не в этом. И не в играющих детях, которые любят звенеть разными железяками и выть дурацкими голосами.

– Нет, не в детях, – эхом откликнулся ее муж.

– Тогда в чем? – серьезно спросила миссис Норидж.

Супруги снова переглянулись.

Если у гувернантки и были сомнения в их искренности, они рассеялись, когда она увидела, как побледнела Маргарет. Бедная женщина попыталась что-то сказать, но с губ ее срывалось лишь неразборчивое бормотание.

Толстяк успокаивающе положил руку ей на плечо и сказал извиняющимся тоном, обращаясь к гувернантке:

– Простите, мэм, у нас тут все сильно напуганы последними событиями.

Терпения миссис Норидж было не занимать.

– Какими событиями?

– Три человека сошли с ума, – сказал толстяк, понизив голос. – Каждый, кто нанимался в Эштонвилл, потерял рассудок.

Повисла тишина, и в этой тишине вдруг негромко прозвонил колокольчик.

Лавочник нервно покосился на дверь. Маргарет вздрогнула и прижалась к нему.

– Это всего лишь сквозняк, – сказала миссис Норидж. – У вас, должно быть, открыто окно в задней комнате. Если призрак и есть, он сидит в Эштонвилле, а не разгуливает по городу.

Ее слова несколько успокоили перепуганную чету.

Лавочник наклонился к ней:

– Гувернантка, которая была до вас, мэм... Она появилась здесь в пять утра. Пришла из Эштонвилла босиком, в одной рубашке. Одна половина лица у нее была застывшая, а другая дергалась. – Он перекрестился. – В жизни не видел страшнее зрелища. И еще она выла.

– Выла?

– Выла и хохотала, – подтвердил хозяин. – Эти дикие звуки и перебудили нас всех.

Он вытер вспотевший лоб.

– Я первая увидела ее, – сказала его жена. – Она царапала стены и смеялась. Пальцы у нее были в крови, она обломала себе все ногти, но все равно продолжала скрести камни. Будто хотела пройти сквозь стены.

– Похоже, что-то испугало ее так сильно, что она сошла с ума, – добавил лавочник.

Вновь тренькнул колокольчик, на этот раз впуская нового посетителя.

Покупатель надолго не задержался. Миссис Норидж дождалась, когда он уйдет, и задала вопрос:

– А двое других? Вы сказали, рассудок потеряли трое.

– Дворецкий, мэм. И трех недель не продержался. Он забрался вечером на крышу и кричал, что все мы прокляты и нас ждет смерть на гильотине.

– И что же, он прыгнул?

– Хвала всем святым, не успел! Наш констебль – brave парень – забрался по приставной лестнице и скрутил его. Сам я не видел этого бедолагу, но полицейский рассказывал, что волосы у него были всклокочены, а лицо расцарапано, будто он с кем-то дрался.

– А третьей была кухарка, – вмешалась Маргарет. – Я видела ее на рынке и сразу запомнила: она косила на один глаз. – Никто не знает точно, что с ней случилось. Кто-то говорит, она пыталась повеситься, а кто-то – что она напала на миссис Эштон с тесаком в руках. Но только ее увезли из поместья в смиренной рубашке.

Она перекрестилась и закончила:

– Бегите оттуда, мэм, бегите! Чем быстрее, тем лучше.

Выйдя из лавки, миссис Норидж постояла в задумчивости. А затем отправилась на поиски констебля.

Ей повезло: полицейский оказался любезен и словоохотлив. Всего полчаса спустя гувернантка знала имена троих несчастных, о которых рассказывали лавочник и его жена.

– Я всегда считал, что привидений не существует, – сказал под конец разговора «brave парень». – Но что-то же испугало тех троих?!

– Это мог быть другой человек, – заметила миссис Норидж.

Констебль покачал головой.

– Знаете, мэм, за годы службы я всякого насмотрелся. Пару лет провел в Лондоне, а там далеко не такая тихая жизнь, как у нас. И вот что я скажу: ваша правда, один человек может напугать другого. Может довести и до припадка. Но чтобы свести с ума, да еще и нескольких – такого я не видывал.

Он помолчал и добавил:

– Призрак там или нет, но одно знаю точно: ни за какие деньги не согласился бы я провести ночь в Эштонвилле.

И полицейский, и супружеская пара показались миссис Норидж людьми правдивыми. Безусловно, они верили в то, что говорили.

«Три человека сошли с ума? Из-за призрака? Хм...»

Миссис Норидж готова была поверить в обман, в розыгрыш, в сговор этих троих, но только не в привидение.

Она отыскала Генри Эштона и предупредила, что должна уехать на пару дней.

– Конечно-конечно, – рассеянно согласился тот. – Но вы обязаны вернуться до приезда Агнессы и Лилиан.

– Не сомневайтесь, сэр.

Саквояж миссис Норидж собрала быстро. Спустя час она уже покинула поместье.

В разговоре констебль привел много подробностей о дворцеком, которого пришлось снимать с крыши. Благодаря ему гувернантка точно знала, куда лежит ее путь – в небольшой городок на границе с Девонширом.

По удачному стечению обстоятельств, неподалеку находилась лечебница, где должна была содержаться несчастная сумасшедшая гувернантка, Ребекка Степлтон.

Сначала миссис Норидж посетила клинику. Она почти не сомневалась, что никакой мисс Степлтон там не найдет.

И тем сильнее был первый удар. Ребекка Степлтон находилась в лечебнице с того самого дня, когда ее привезли из Эштонвилла.

– Не буду скрывать от вас, она по-прежнему далека от выздоровления, – сказал доктор, которому миссис Норидж представилась подругой Ребекки. – Прогресс есть. Но не такой значительный, как мы надеялись.

– Вы можете сказать, что послужило причиной болезни?

Доктор замялся.

– Сильные переживания... Возможно, испуг...

– Возможно?

– Скорее всего. Сказать точнее затруднительно.

– Но отчего? Разве она сама не рассказала вам?

Доктор снял очки, тщательно протер, надел и посмотрел на миссис Норидж.

– Видите ли... Единственный звук, который мы до сих пор слышали от нее, – это хохот.

Второй удар миссис Норидж получила тремя часами позже. Оставив саквояж в гостинице, она нашла дом, где жил дворецкий. Ей открыла бледная девушка с замкнутым лицом.

– Отец не станет разговаривать с вами, – сухо сказала она, выслушав гувернантку. – Он... Он нездоров.

– Кто там, милая? – раздался надтреснутый голос из глубины дома.

Девушка попыталась закрыть дверь. Но миссис Норидж с неожиданной ловкостью вставила в щель ботинок.

– Уйдите! – прошипела девушка. – Что вы себе позволяете?

– Я только хотела бы повидать...

– Это за мной? – испуганно спросили за дверью. – Открой! Я должен видеть!

Девушка нехотя отступила. Дверь приоткрылась, и небритый мужчина совершенно безумного вида уставился на гувернантку воспаленными глазами.

– Это вы поведете меня на гильотину? – прошептал он, дергая углом рта.

Несколько секунд миссис Норидж не сводила с него глаз.

– Простите, я ошиблась, – наконец произнесла она.

«Я ошиблась!» Эти слова она повторяла на следующий день, возвращаясь в дом Эштонов. Эмма Норидж крайне редко ошибалась. Но теперь у нее не оставалось сомнений, что и третья жертва призрака действительно сошла с ума.

Лавочник с женой говорили правду.

Констебль говорил правду.

Кэтрин в письме написала правду.

Что же здесь происходит?

Несколько дней подряд под видом прогулок она осматривала поместье. Генри Эштон сказал, что дом старый. Миссис Норидж, любящая точность, применила бы другое слово.

Дом был дряхлый.

Во время своих обходов Эмма обнаружила несколько запертых комнат, дверные ручки которых были покрыты пылью. Зимний сад давно пришел в запустение. Со стен коридоров

осыпалась штукатурка, ковры были проедены молью, от некогда роскошных штор несло затхлостью.

Если какой-то дух и царил в поместье, это был дух уныния и заброшенности.

Миссис Норидж обошла пристройки и сараи, исследовала винный подвал, где подверглась нешуточной опасности – с прогнившей подпорки на нее упала и покатилась тяжелая бочка. Выбравшись из подвала, миссис Норидж скептически подумала, что встреча с призраком – далеко не худшее, что может здесь с ней случиться. Быть раздавленной бочкой с прокисшим вином куда неприятнее.

Лишь одно место оставалось неизученным.

Чердак.

...К удивлению Эммы, чердачная лестница не скрипела. Гувернантка присела на корточки и провела пальцем по ступеньке.

Палец остался чистым. В этом доме, заросшем паутиной и плесенью, на ступеньках лестницы, ведущей на чердак, не было пыли.

Миссис Норидж с интересом посмотрела вверх. Она давно заметила, что замка на двери нет. Но накануне она проходила по этому крылу, и дверь была плотно прикрыта. Сейчас же из узкой щели на лестницу падал слабый рассеянный свет.

Подобрав юбки, миссис Норидж стала осторожно подниматься. Вверху раздалось шуршание и что-то упало.

Миссис Норидж остановилась, а затем двинулась дальше.

Она знала, что в эту самую минуту мистер Эштон вместе со своим секретарем Кельвином работают в кабинете. Кто же хозяйничает на чердаке?

Добравшись до самого верха, Эмма приоткрыла дверь. Глазам ее предстала необычная картина.

На скамейке возле круглого окна балансировала женщина. Она стояла спиной к гувернантке, и Эмма не видела, что та делает. Но судя по скрежету задвижки, женщина пыталась открыть раму.

Миссис Норидж бесшумно отступила назад. Постояла немного – и так же неслышно спустилась вниз. Она поняла, кого увидела на чердаке.

Этот же человек встретился ей всего двумя часами позже. Худая, болезненного вида женщина лет тридцати пяти – тридцати восьми вышла из библиотеки и замерла, увидев незнакомку.

– Ах, вы новая гувернантка Лилиан, – тихо сказала она, когда миссис Норидж представилась. – Мне нездоровилось последние дни. Я почти не выходила из комнаты.

Она умолкла и наклонила голову, словно прислушиваясь к чему-то.

Несомненно, Шарлотта Пирс, кузина мистера Эштона, в юности была прелестна. Ее тонкое лицо и сейчас хранило следы прежней красоты. Но в этой красоте было что-то тревожное. В глубине больших голубых глаз, устремленных на гувернантку, таился страх.

– Слышите? Вы слышите?

Миссис Норидж наклонила голову.

– Это ветер, миссис Пирс. Здесь повсюду сквозняки.

– Вы думаете? – Шарлотта негромко рассмеялась. Так смеется человек, знающий то, что неизвестно другому.

– Уверена в этом, мэм.

– Что ж, пусть будет так. Надеюсь, вам не представится случая убедиться в обратном.

По губам ее скользнула улыбка, которую человек, более впечатлительный, чем миссис Норидж, назвал бы зловещей.

Но гувернантка, глядя в спину уходящей Шарлотте Пирс, не думала о ее улыбке. Она думала о том, что из чердачного окошка открывается вид на кладбище. А это значит, что оно расположено точно над окном ее собственной комнаты.

Комнаты, где сошла с ума предыдущая гувернантка.

Миссис Норидж спустилась на первый этаж и остановилась у кабинета Генри Эштона, собираясь постучать.

– Его нет, – вкрадчиво сказали сзади.

Миссис Норидж обернулась. Разумеется, Кельвин Кози! В любую секунду его можно обнаружить у себя за спиной – он перемещается бесшумно, как кот. Хотя его лицо с острым подбородком больше напоминает крысину мордочку.

Секретарь ухмылялся.

Миссис Норидж не доверяла мужчинам с прилизанными висками. А Кельвин Кози в дополнение к набриолиненной прическе обладал бегающими черными глазками и отвратительной манерой морщить нос. Поэтому его кредит доверия у Эммы Норидж был в глубоком минусе.

– Благодарю вас, – сухо сказала гувернантка. – Я зайду позже.

– Я сообщу вам, где он, если вы скажете, зачем он вам понадобился.

Не удостоив наглеца даже взглядом, миссис Норидж развернулась и пошла прочь.

– Строите из себя важную персону? – насмешливо бросил ей вслед секретарь. – Поглядим, каково вам придется, когда придет крошка Лилиан.

Миссис Норидж обернулась.

– Что, передумали? – ухмыльнулся Кельвин. – Так что вам понадобилось от сэра Генри?

Ни слова не говоря, гувернантка подошла к двери кабинета и постучала.

– Входите! – донеслось изнутри.

Секретарь разочарованно прищелкнул языком и растворился в недрах дома.

Генри Эштон кинул на вошедшую миссис Норидж тот особенный быстрый взгляд, которым смотрит человек, опасющийся плохих вестей. По лицу визитера он пытается прочесть, будет ли нанесен удар сейчас, или же судьба милостиво предоставляет ему отсрочку.

– Мистер Эштон, завтра возвращается ваша дочь. Не будет ли каких-нибудь дополнительных указаний?

Генри Эштон позволил себе расслабленно откинуться на спинку кресла. Напряжение исчезло с его лица.

– Указаний? Нет, никаких. До завтрашнего утра вы свободны. Ах, да! – вспомнил он. – Шарлотта, моя кузина, чувствует себя лучше. Сегодня вечером я смогу представить вас ей.

– Мы уже познакомились, сэр.

Снова этот быстрый тревожный взгляд. Миссис Норидж встретила его спокойно.

– Моя кузина... – медленно проговорил мистер Эштон. – Она иногда кажется чужаковой.

– Вот как, сэр?

– Вы не заметили?

– Мы беседовали совсем недолго, – уклончиво ответила миссис Норидж.

– Если вам доведется разговаривать с ней дольше... – Сэр Генри казался смущенным. – Вряд ли, но вдруг такое случится... В общем, постарайтесь не удивляться. У Шарлотты нелегкая судьба...

– Вот как?

В свое «вот как» миссис Норидж вложила ничтожно малую толику заинтересованности. Она давно усвоила: чем меньше любопытства проявляешь к чужим делам, тем охотнее люди выкладывают все подробности. Ничто так не побуждает к откровенному разговору, как отсутствие интереса в собеседнике. Люди словно хотят доказать ему, что он ошибается, не считая их дела стоящими внимания.

Генри Эштон не стал исключением.

– Вы знаете, что она сирота?

– Нет, сэр.

– Это так. Ее родители погибли, и мой отец с матерью взяли Шарлотту к себе. Она выросла с нами в этом доме.

Он поднялся, зачем-то подошел к двери и выглянул в коридор.

– Мы очень дружили с ней, – вернувшись, сказал он. – Я старше на десять лет. Такая разница обычно является непреодолимым препятствием для дружбы детей. Но с нами этого не случилось. Мои родители на все ее проказы смотрели сквозь пальцы, даже когда они были не совсем безобидны.

– Не совсем безобидны? – переспросила миссис Норидж.

Но мистер Эштон не считал нужным развивать эту тему.

– Шарлотта очень поздно вышла замуж, и мы были рады за нее. Мистер Пирс казался человеком достойным во всех отношениях. Его смерть стала полной неожиданностью для всех нас.

– Отчего он скончался? – позволила себе спросить миссис Норидж.

– Какая-то редкая болезнь, я так и не запомнил ее названия. Она свела его в могилу буквально в три дня. Невероятно – такой здоровый, полный жизни человек! Шарлотта, конечно, очень страдала. На похоронах ее невозможно было узнать.

Он поднял глаза на гувернантку.

– Я рассказываю вам это все, чтобы вы уяснили: я очень тепло отношусь к Шарлотте. И ни от кого не потерплю насмешек!

– Насмешек, сэр?

Миссис Норидж казалась искренне удивленной такой возможностью, и Генри Эштон смягчился:

– Это неважно. Полгода назад мы с женой взяли Шарлотту к себе, в этот дом, где она выросла. Я надеялся... Я надеюсь, – исправился он, – что здесь ей станет лучше. Она... одно время она казалась совсем больной...

Теперь Генри Эштон тщательно подбирал слова.

– Возможно, вмешательство хорошего врача... – так же осторожно начала миссис Норидж.

– Она проходила обследование! – резко сказал пожилой джентльмен. – И она не сумасшедшая! Я лично привез сюда двух докторов. Они разговаривали с ней не меньше трех часов и заверили меня, что нет и тени помешательства!

Он даже покраснел от негодования.

И тут миссис Норидж погрешила против истины.

– Миссис Пирс показалась мне вполне рассудительной леди, – мягко сказала она.

Генри Эштон несколько мгновений не сводил с нее пристального взгляда, словно желая рассмотреть тень насмешки в ее лице.

Но невозмутимый вид гувернантки, казалось, успокоил его.

Вернувшись в свою комнатку, больше похожую на склеп, миссис Норидж достала маленький нож и принялась чистить яблоко.

Люди для нее делились на две категории: на тех, кто режет яблоки на дольки, и на тех, кто поедает их целиком. Сама миссис Норидж принадлежала к первой категории. Вторых она в глубине души считала людьми легкомысленными и не слишком воспитанными.

В минуты сильной задумчивости рука ее сама тянулась к фруктовому ножу. Снимая яблочную шкурку тонкими стружками, миссис Норидж ощущала, как мысли приходят в порядок.

А сейчас ей было над чем подумать. Упомянув о враче для Шарлотты Пирс, она имела в виду самого обычного семейного доктора. На эту мысль ее навела болезненная внешность сестры сэра Генри.

Однако мистер Эштон решил, что речь идет о психиатре.

«Два доктора обследовали ее», – сказал он. Очевидно, боль утраты, постигшей Шарлотту Пирс, была так сильна, что она вела себя как помешанная.

Мистер Эштон просил не насмехаться над ней, а жена лавочника предупредила, что три человека в этом доме сошли с ума.

Эмма Норидж вспомнила утреннюю встречу с Шарлоттой и точным ударом ножа разрубила яблоко пополам.

На следующее утро Агнесса Эштон и ее дочь вернулись из поездки. Дом встряхнулся, словно старик, выползший на солнце весной. Даже новая кухарка, пугливая толстуха, роняющая ножи и ложки при каждом громком звуке, приободрилась и повеселела.

– Дэйзи, вы сегодня чудесно выглядите, – сказала миссис Норидж.

– Благодарю вас, мэм. Когда в доме ребенок, у всех прибавляется радости. Словно невинное создание может защитить нас.

Лилиан Эштон и впрямь выглядела невинным созданием. Хрупкая белокурая девочка нежно обняла отца и присела перед гувернанткой в вежливом книксене.

– Рада познакомиться, Лилиан, – сказала Эмма. – Надеюсь, мы с тобой подружимся.
Девочка подняла на нее голубые глаза. Мистер и миссис Эштон стояли за спиной дочери и не могли видеть мелькнувшей в них враждебности, когда она без выражения ответила:
– Непременно подружимся, миссис Норидж.
Прошелестели легкие шаги, и худая фигура в черном платье показалась в дверях.
– Тетушка!
Лилиан радостно бросилась к Шарлотте.
– Тетушка, я так соскучилась! Я привезла тебе подарок.
Миссис Пирс в ответ нежно улыбнулась:
– Я тоже кое-что приготовила, мой ангел. Только и ждала твоего приезда, чтобы скорее показать тебе.
Девочка вопросительно обернулась на мать.
– Ступай, дорогая, – кивнула Агнесса.
Схватив Шарлотту под руку, Лилиан потащила ее за собой. Ее веселый голосок вскоре стих в коридоре.
Миссис Эштон сняла шляпку и потрянула головой:
– Она всю дорогу только и говорила о Шарлотте.
– Прекрасно, что они такие друзья, – с энтузиазмом отозвался Генри Эштон.
Они с женой посмотрели друг на друга и одновременно отвели взгляды.
Миссис Эштон оказалась невысокой черноволосой женщиной с острым носиком и поджатыми губами. Она равнодушно осведомилась у миссис Норидж, как та освоилась, и так же безразлично выслушала ответ.
Когда сэр Генри вышел, она сказала:
– Прошу вас, не препятствуйте общению Лилиан и Шарлотты. Возможно, вам покажется, что они проводят вместе слишком много времени. Но им обеим это только на пользу.
– Конечно, мэм, – согласилась миссис Норидж. И повинуясь внезапному чувству, добавила: – Мистер Эштон рассказал мне, что его родители были очень привязаны к миссис Пирс.
Агнесса усмехнулась.
– Только не его мать. После той истории с собачкой...
– С собачкой, мэм?
– Как, Генри не сказал? Когда Шарлотте было пятнадцать, ее за что-то наказали. Ее редко наказывали, она была довольно избалованной девушкой. А на следующий день исчезла любимая собачка матери Генри. Поначалу все думали, что она просто убежала, но вскоре садовник нашел ее в заброшенном колодце. Бедняжка разбилась насмерть. Очевидно, она перескочила через край колодца и свалилась вниз. Эти болонки бывают ужасно глупыми... После этого случая мать Генри почему-то резко охладела к Шарлотте. Должно быть, в глубине души она считала, что девушка должна была лучше следить за собачкой.
– Должно быть, так, мэм, – согласилась миссис Норидж.
– Не слишком справедливо по отношению к бедной Шарлотте, – Агнесса покачала головой. – Старая миссис Эштон до самой смерти избегала ее.

Дэйзи Фишер резала спаржу, когда мимо кухонного окна что-то промелькнуло. Дэйзи вздрогнула, нож соскочил, и кровь потекла на светлые стебельки спаржи.

Когда кухарка бросила нож в раковину, руки ее дрожали.

День был солнечный – первый солнечный день за три недели, что прошли с возвращения домой мисс Лилиан, – и только поэтому она рискнула подойти к окну и посмотреть, что же ее испугало.

Ворона! Всего лишь ворона. Наглая птица сидела на живой изгороди, обрамлявшей лужайку, где играли в мяч Лилиан и миссис Норидж.

«Так недолго и с ума сойти, если шарахаться от каждой вороны», – подумала Дэйзи.

И в ужасе зажала себе рот окровавленной рукой.

Даже думать такое нельзя, не то что произносить!

Она забинтовала кровоточащий палец, ополоснула нож и принялась судорожно кромсать морковь.

Лишь полное безденежье вынудило ее полтора месяца назад предложить свои услуги в Эштонвилле. Платили здесь немного, но Дэйзи и тому была рада. Кухарка-то из нее так себе. Если подумать, даже странно, что мистер Эштон выбрал ее.

Но только лучше б ей тогда отказали. Не пришлось бы ей сейчас шарахаться от пролетающей вороны, не пришлось бы дрожать по ночам, слушая завывания под крышей и уговаривая себя, что это ветер воет тоскливым человеческим голосом.

Кто-то ходит ночью по дому, тяжело дышит под дверью. Кто-то плачет на чердаке, точно ребенок, а поднимешься, позовешь: «Мисс Лилиан!» – там никого и нет. А один раз, когда Дэйзи только легла спать, дверная ручка вдруг щелкнула и начала медленно поворачиваться. Но кто бы ни был с той стороны двери, он не вошел. Дэйзи так и просидела до утра, не в силах пошевелиться, не отрывая взгляда от металлического блика на ручке.

И ведь никому не пожалуешься! Служанки разбежались. Мистер Эштон все дни проводит в своем кабинете – говорят, пишет серьезную историческую книгу. Его жена смотрит на Дэйзи как на пустое место. А секретарь Кельвин то и дело в разъездах, собирает материал для сэра Генри.

Еще остается миссис Норидж, но она сухарь сухарем. Удивительно, отчего маленькая Лилиан держится возле нее как приклеенная.

Про Шарлотту Пирс и говорить нечего. У Дэйзи каждый раз мурашки по коже, как завидит вдову. Одно хорошо было в их мрачном поместье – розы, растущие вдоль дорожки. Так миссис Пирс истребила их все! Обезглавила каждый цветок садовыми ножницами, ни одного не пропустила. Теперь торчат из земли сиротливо голые прутья.

Кухарка еще раз выглянула в окно и вздрогнула: возле изгороди, где минуту назад сидела ворона, теперь стояла Шарлотта Пирс.

– Лили, вы невнимательны сегодня, – заметила миссис Норидж.

Они с девочкой сидели над картой мира (Эмма Норидж считала необходимым давать детям представление о других странах). Но Лилиан, обычно увлеченно занимавшаяся географией, была сонной и вялой.

– И в мяч вы играли небрежно. Что-то случилось?

– Я плохо спала этой ночью.

Миссис Норидж внимательно взглянула на девочку.

То, что при первой встрече она приняла за враждебность, на поверку оказалось страхом. Дочь сэра Генри отчего-то боялась ее.

Лилиан вжималась в стену при виде гувернантки. Лилиан готова была сорваться и убежать во время занятий, стоило миссис Норидж сделать резкий жест. Она напоминала щенка, которого часто били.

Это было тем более необъяснимо, что никто никогда и пальцем не трогал Лилиан Эштон.

Там, где другая женщина стала бы действовать лаской и добротой, Эмма Норидж осталась верна себе. Она была строга и требовательна, она нагружала воспитанницу сверх меры и неукоснительно требовала выполнения заданий.

Лилиан выглядела слабенькой, и гувернантка заставляла ее играть в мяч и бегать наперегонки. Лилиан могла часами просиживать у окна, и миссис Норидж принесла ей блокнот для эскизов, требуя ежедневного пейзажного наброска.

Дэйзи, считавшая гувернантку бездушным сухарем, была бы удивлена тем, как быстро эти меры принесли плоды. До дружбы было еще далеко, но тонкая ниточка доверия уже протянулась от воспитанницы к наставнице.

Миссис Норидж свернула карту.

– Отчего же вы плохо спали, мисс Эштон?

– Мне мешали звуки из галереи.

– Вы же знаете, это сквозняки.

– Нет, – возразила побледневшая Лилиан, – не сквозняки! Я помню наизусть все голоса ветра. Этот голос другой. Как будто...

– Как будто что? – мягко спросила гувернантка, видя, что девочка замолчала.

Но Лилиан посмотрела на нее со страданием во взгляде и покачала головой.

– Если я скажу, – прошептала она, – вы тоже...

- Тоже что?
- Тоже сойдете с ума! – выпалила Лилиан Эштон и убежала.

На следующее утро, еще до завтрака, миссис Норидж вошла на кухню.

В эту минуту Дэйзи Фишер доставала из духовки сковородку с пирогом. Не замечая остановившуюся в дверях гувернантку, она понесла ее к разделочному столу.

Дождавшись, когда кухарка приблизится, миссис Норидж без предисловия спросила:

- От чего может защитить нас невинное создание?

Как она и ожидала, кухарка тотчас разжала руки. К счастью для проголодавшегося семейства Эштонов, сковорода упала на стол, и пирог остался цел.

- Господи, миссис Норидж! Разве так можно пугать людей!

Дэйзи схватила стеклянный кувшинчик с морсом, спрятанный в углу на подоконнике, и нервно отхлебнула из него.

- Даже доброго утра не пожелаете! – плаксиво укорила она, утирая губы.

Эмма Норидж прекрасно знала, что в ответ на пожелание доброго утра кухарка имеет обыкновение перечислять причины, почему именно это утро не выдалось, и остановить поток ее жалоб весьма затруднительно.

- Хотела застать вас врасплох, – невозмутимо ответила она.

- У вас получилось! Чуть сердечко мое бедное не выскочило из груди.

Дэйзи еще раз глотнула из кувшина и удовлетворенно крикнула.

- Нет ничего лучше брусничного морса по утрам!

- На вашем месте я бы отдала предпочтение яблокам.

- У меня от них скулы сводит, – отмахнулась Дэйзи. – И изжога мучает. А еще...

Миссис Норидж не собиралась выслушивать подробности утреннего пищеварения кухарки.

- Кого вы боитесь, Дэйзи? – перебила она.

Женщина испуганно попятилась и наткнулась на плиту.

- Не пойму я, о чем вы толкуете, миссис Норидж.

Гувернантка молча придвинула стул, села и выжидательно взглянула на кухарку.

Дэйзи Фишер тяжело вздохнула. Нет, от этого репейника так просто не отвяжешься: уж прицепится, так прицепится.

Она подошла, села напротив, теребя фартук.

- Вы правда не знаете?

- Не имею ни малейшего понятия.

Дэйзи сделала последний глоток и плотно прикрыла ладонью горлышко кувшина. Это придавало ей храбрости.

– Скрывают они эту историю, – хрипловато сказала она, наклонившись к гувернантке. – Мне-то помощник проговорился.

- Кельвин Кози?

– Он самый. Востроносый хлыщ. Самодовольный, точно лорд, но как начнет пить – слабак слабаком.

Кухарка осуждающе поджала губы.

- Пришел он как-то на кухню, хлебнул моей яблочной настойки... Его и развезло.

- Когда это случилось, Дэйзи?

Кухарка почесала нос.

- Да едва я только устроилась сюда. Он вроде как клинья ко мне подбивал. Говорю же, хлыщ!

Миссис Норидж кивнула.

– В общем, слово за слово, зашел у нас с ним разговор об этом доме. Жутковато, говорю, тут у вас по вечерам. Ну и хихикнула – вроде как я это не всерьез. А он вынул свои тараканы буркала и говорит недоверчиво: что, только по вечерам? И замолчал. Я почуяла неладное и давай его теребить. Он и проболтался. Хе-хе! Говорю же, форсу много, а как дойдет до дела...

- Дэйзи, не отвлекайтесь, – попросила миссис Норидж.

Кухарка взяла кружку и налила морса до краев. Но на этот раз не отпила.

– Рассказал мне жуткую историю, – сказала она, посерьезнев. – Сто лет назад здесь жил со своим семейством Тимоти Эштон. Один сын у него был и четыре дочери. Рассказывают, старый

Эштон не слишком-то любил своих девчонок. Все хотел, чтобы жена родила ему еще одного сына, а она возьми да скончайся шестыми родами, вот ведь невезенье какое. Старший сын женился на тихой девушке из небогатого семейства и привез ее сюда.

Старик был скрягой и держал своих дочерей в ежовых рукавицах. Одну из них как-то обидел – он и на язык был несдержан, – а она в отместку возьми да заяви, что дурной характер быстро сведет папашу в могилу. Тимоти Эштон был мужчина крепкий, здоровый, но после этих слов начал чахнуть, как стебелек на холоде. Он выгнал собственную дочь из дома, а когда трое других вступились за нее, он и их выставил за ворота. Да, железный был старикан, таких сейчас не найдешь...

В голосе Дэйзи прозвучало плохо скрытое восхищение.

– Тимоти Эштон был обычный семейный тиран, – сухо сказала миссис Норидж. – Что случилось дальше?

– В ту ночь, когда старик выгнал дочек, разразилась буря. У нас и так-то здесь места неприветливые, а уж если град зарядит, то и вовсе беда. Кажется, будто сам дьявол хочет сжить тебя со свету. Бедные девушки стучались, умоляя впустить их. Но Тимоти Эштон в это самое время лежал на смертном ложе и не мог поднять головы. Сын его был в отъезде, слуги разбежались, и возле постели старика оставалась только кроткая невестка. Но если вы подумали, миссис Норидж, что старикан был настолько жесток, что хотел смерти родным дочерям, то ошиблись.

Дэйзи Фишер внезапно склонила голову и проскрипела, очень точно подражая старческому голосу:

– Кто это там стучится, Мюриэл?

И тут же, придав лицу невинное выражение, ответила нежным голоском:

– Это ставни стучат, отец.

Миссис Норидж вскинула брови – до того похоже Дэйзи изобразила старика и молодую женщину. Эти двое точно живые встали у нее перед глазами.

– А кто там кричит у порога? – старческим голосом продолжала кухарка. И ответила сама себе тоненько: – Это собаки лают, отец. – А кто там плачет так жалобно, Мюриэл? – Это ветер воет, отец!

Дэйзи приподнялась, вся во власти разыгрываемой ею трагичной сцены.

– А что у тебя в руках, Мюриэл? – Это питье для вас, отец.

Жестом, полным драматизма, она протянула кружку с морсом миссис Норидж.

– Старый Эштон собирался осушить чашку с лекарством, как вдруг громыхнул гром. Чашка выпала из пальцев. Питье разлилось по полу, и подбежавший пес мигом слизал его. И тогда старик в ужасе увидел, что у собаки закатываются глаза. В лекарстве был яд!

Дэйзи Фишер с такой силой стукнула кружкой по столу, что часть содержимого выплеснулась и растеклась маслянистыми лужицами.

– Тогда-то до Тимоти Эштона дошло, кто виновник его недуга! Хотел он что-то сказать, но уж было поздно – силы оставили его. А эта дрянь, Мюриэл, рассмеялась ему в лицо. «Старый дурень! Ты думал, твои дочери виноваты? А это я изводила тебя! Я заставила тебя выгнать их, я свела тебя в могилу раньше срока. Зато все твои деньги достанутся моему мужу. А скоро и ему придет конец, уж я-то постараюсь».

Дэйзи перевела дух.

– Но про мужа-то она зря сказала. Старый Эштон готов был встретить смерть. Но не мог позволить, чтобы погиб его единственный сын. Он поднялся и выкрикнул из последних сил: «Дьявол! Слышишь ли, дьявол?! Забери мою душу в ад, но только дай мне вершить в Эштонвилле суд над каждым, кто совершит убийство! Клянусь, что за это буду вечно служить тебе!» Ударил молния, пламя в камине вспыхнуло ярче, и из него вдруг выскочил маленький огонек. Он пробежал по полу, взобрался на кровать и впился в руку мистера Эштона. Когда старик разжал ладонь, на ней остался выжженный знак – копыто дьявола.

Кухарка облизнула пересохшие губы.

– Вот так сам сатана поставил на Тимоти Эштона свое клеймо. Это был знак, что просьба его будет исполнена. Старый Тимоти взглянул на свою изувеченную ладонь и расхохотался. «Что, Мюриэл! – громогласно выкрикнул он. – Попробуй, убей моего сына. Встретишься со мной! Ха-ха-ха!» Так он сказал и упал замертво.

Дэйзи кивнула несколько раз в знак того, что это истинная правда. И наконец-то позволила себе отпить из кружки. Лоб ее блестел от пота, щеки покраснели. Лицо выражало странную смесь удовлетворения и страха.

– Когда вернулся сын, все было кончено. Мюриэл сбежала, и никто ее больше не видел. Но дьявол не отступился от старого Эштона. Его призрак остался в поместье. Куда ему деться, если он связан клятвой преследовать убийц под крышей своего дома! Несколько лет спустя в сарай забрался беглый каторжник. Хотел лишь переночевать, бедолага. А вместо этого зачем-то полез на чердак и прыгнул оттуда. Вот какое дело!

– И вы полагаете, в этом виноват призрак?

– Точно так, миссис Норидж. Обычно покойный сэра Тимоти ведет себя тихо. Но лишь до тех пор, пока здесь не появится убийца. Не может он вытерпеть в своем поместье того, на чьих руках кровь. Говорят, смягчить его ярость может лишь дитя. Но только, скажу по правде, миссис Норидж, не больно-то это заметно.

Гувернантка поблагодарила свою собеседницу коротким кивком и поднялась.

Кухарка облегченно выдохнула и поднесла кружку ко рту, но на плечо ей легла тяжелая рука.

– Я думаю, Дэйзи, это питье давно прокисло, – сказала миссис Норидж.

Несчастливая кухарка, потеряв дар речи, следила за тем, как гувернантка выливает содержимое кружки, а затем и кувшина. Ее драгоценного кувшинчика! Ни один человек за полтора месяца не догадался, что в нем вовсе не морс!

– Готова поспорить, что пьяниц Тимоти Эштон тоже недолюбливал, – сказала миссис Норидж. – Так что спрячьте свою настойку подальше. И не пейте больше, Дэйзи.

Когда гувернантка удалилась, кухарка, кряхтя, полезла на самую верхнюю полку шкафа. Оттуда она достала точно такой же кувшинчик. Откупорила, отхлебнула – и улыбка блаженства расплзлась по ее покрасневшему лицу.

«Не пейте больше!» Ну миссис Норидж, скажет тоже...

Как не пить, когда призрак Томаса Эштона вот-вот окажется у тебя за спиной?

В доме убийца, каждому ясно. Старый Томас не успокоится, пока не сведет с ним счеты.

Часом позже гувернантка вошла под своды старой церкви, такой же темной и сырой, как ее комната. Старенький священник с любопытством выслушал ее просьбу и согласно кивнул:

– Да-да, миссис Норидж, все верно. Я встречал эту легенду, когда рылся в старых архивах. Местные жители до сих пор убеждены, что можно разгневать призрак Томаса Эштона.

– Если под крышей поместья появится убийца?

– Совершенно верно. Для самих Эштонов призрак – что-то вроде мрачноватого предмета родовой гордости. Как шестой палец на ноге или черное ухо... Их обычно принято скрывать. Но в то же время это знак отличия от всех прочих.

Миссис Норидж не смогла сдержать удивления:

– Неужели и вы верите в эту легенду?

– Я не сказал, что верю в призрака. Я лишь сказал, что легенда существует.

– Простите, но эта история – глупая выдумка.

Священник усмехнулся:

– Выдумка? Что ж, может быть... Но хотите, я расскажу вам кое-что, не поддающееся объяснению?

– Конечно.

– Лет шесть назад Эштонов навестил их дальний родственник. Он служил в Индии, а в Британию приехал ненадолго, по делам. Ходили слухи, что в Индии этот человек отличался жестокостью по отношению к местному населению. Якобы там он оказался вовлечен в дурную историю, закончившуюся смертью мальчика-слуги. Историю замяли, как нередко случается. И вот этот самый родственник смог прожить в Эштонвилле лишь два дня и вынужден был буквально спастись оттуда бегством.

– Отчего же?

– Во-первых, двое суток над поместьем бушевала небывалая гроза. Молния спалила старую липу. Видите черное дерево?

Миссис Норидж взглянула на обугленный ствол – на нем снова сидела ворона.

– Его оставили как напоминание о той грозе. Но это еще не все. Когда стих ветер и гость Эштонов смог выйти из дома, сверху на него обрушились камни.

Лицо миссис Норидж выразило явственное сомнение.

Священник заметил это и слегка обиделся:

– Не думаете же вы, что я фантазирую? У меня прекрасная память на детали. Я треть века служу в этой церкви при поместье и помню каждый день из этих тридцати лет.

– Простите, святой отец. Но камни с неба...

– Да нет же, не с неба. Вы, несомненно, видели декоративные башенки на крыше? Их сейчас три, а вот четвертая рухнула как раз тогда, и ее до сих пор не восстановили. Родственник сэра Генри чудом остался жив. Он обязан спасением миссис Эштон, которая издалека заметила, что башня кренится, подбежала и оттолкнула его. Но после всех этих событий он незамедлительно покинул поместье и больше не возвращался. Не спрашивайте меня, миссис Норидж, как это объяснить. Я не знаю...

Когда на поместье опустилась ночь, миссис Норидж вышла из своей комнаты и тихо прикрыла дверь.

Дом не спал. Под порывами ветра он раскачивался, будто охваченный горем старик. Сырость разъедала стены, жуки-древоточцы понемногу перемалывали его внутренности, превращая их в труху. Остальное довершало безжалостное время.

Дом разговаривал сам с собой. Коридоры наполняло шуршание, неярный шелест шагов. Тяжелые шторы колыхались, словно за ними кто-то прятался. Где-то монотонно постукивала незакрытая ставня. Скрип – и короткий стук. Несколько минут тишины и вновь – долгий скрип и стук. Словно дом, подобно тонущему кораблю, отправлял в ночное пространство сигнал с мольбой о спасении.

Но только глухой, грозный шум далекого леса был ему ответом.

Дойдя до лестницы, миссис Норидж сняла домашние туфли и оставила их возле нижней ступеньки. Неслышно переступая босыми ногами, она поднялась на второй этаж и притаилась за углом. Дальше начиналась галерея.

Здесь когда-то портреты предков Генри Эштона надменно взирали на суетящихся внизу людей. Но уже много лет все картины были убраны в хранилище. Пара аляповатых китайских ваз в человеческий рост и одинокий железный рыцарь, страж этих подделок, – вот все, что осталось от некогда роскошной галереи.

Стоя за углом, миссис Норидж отчетливо слышала какое-то позвякивание. С таким звуком рыцарь мог попытаться сойти со своего пьедестала. Эмма не верила в ожившие доспехи, она верила в злую человеческую волю.

И потому бесстрашно шагнула вперед, готовясь поймать с полочным того, кто издавал это бряцание.

Однако миссис Норидж увидела совсем не того человека, которого ожидала.

На стремянке под вентиляционной трубой стоял Кельвин Кози, секретарь мистера Эштона. Он просунул обе руки в трубу и что-то устанавливал там.

Миссис Норидж отступила в тень. Прошло несколько минут, в течение которых до нее доносились шуршание и тихая ругань. Наконец возня стихла. Когда она осторожно выглянула из-за угла, Кельвин Кози уже удалялся, но забытая им стремянка оставалась под трубой.

Гувернантка не раздумывала: она тотчас вышла из своего укрытия, на цыпочках подбежала к лестнице, забралась по ней и просунула руку в трубу.

У нее было не больше минуты, пока секретарь не спохватился.

Одна секунда, вторая, третья... Эмма ощупывала предмет, который он оставил в трубе. В той стороне, где скрылся Кози, раздавалось ругательство: секретарь понял, какую промашку он допустил. Шаги его быстро стали приближаться. Но за миг до того, как он вышел из темноты, Эмма Норидж успела прыгнуть вниз и присесть на корточки за стоявшей рядом китайской вазой.

Когда секретарь ушел, не заметив ее, она выпрямилась и задумчиво поглядела на трубу. Ее предположение подтвердилось. Предмет, который она нащупала, оказался коробкой с двумя отверстиями в противоположных стенках.

Нехитрая вещица. Эмма и сама мастерила такую в детстве. Если внутри расположить под правильным углом тонкие металлические листы и поймать поток воздуха, коробка начнет издавать жуткий вой.

Тихое потустороннее завывание из трубы было ей ответом. В вентиляции всегда гулял сквозняк. Неудивительно, что этот вой может продолжаться целую ночь.

Что ж, ответ на один вопрос найден.

Миссис Норидж вернулась в свою комнату и легла спать почти удовлетворенная. Многие события так и не получили объяснения, но зато теперь ясно, кто причастен к стонам из галереи.

Она решила, что утром на глазах мистера Эштона извлечет коробку и потребует объяснений от секретаря.

Но вскоре случилось то, что нарушило ее планы.

В четыре часа утра миссис Норидж проснулась и резко села на постели, пронзенная неприятной мыслью.

Она забыла под лестницей свою обувь!

Эмме с детства было не привыкать к холоду, но сейчас, стоило вылезти из-под одеяла, ее охватила настоящая дрожь. Грелка давно остыла. Растирая руки, миссис Норидж почти бегом добралась до лестницы и облегченно сунула ноги в мягкие туфли.

Она уже собиралась бежать обратно, как вдруг из галереи до нее донесся какой-то звук.

Миссис Норидж насторожилась. Кельвин Кози не мог до сих пор находиться наверху. Он оставил коробку и ушел – зачем ему возвращаться?

Забыв о холоде, миссис Норидж двинулась вверх. Ее охватило предчувствие неприятного сюрприза.

И оно оправдало себя. Выглянув из-за угла, гувернантка обнаружила, что Кельвина Кози на его посту сменила Шарлотта Пирс. Она стояла на табуретке, вытянувшись, под вентиляционным отверстием, одной рукой нащупывая коробку, а другой придерживаясь за стену. Белое лицо, вполоборота повернутое к гувернантке, выделялось на фоне темных стен, как камень. Тонкий нос, большие глаза – ошибиться было невозможно.

Миссис Норидж быстро подалась назад и прижалась к стене. Несколько минут она вслушивалась в шуршание. Затем все стихло и наступила тишина. Шарлотта Пирс сделала, что хотела, и исчезла.

Дождавшись, пока галерея опустеет, миссис Норидж осторожно вышла из тени. Прислушиваясь, не возвращается ли секретарь или сама Шарлотта, она подошла к тому месту, где эти двое сменяли друг друга.

Ей пришлось подпрыгнуть несколько раз, прежде чем удалось достать до вентиляционного отверстия. Коробка исчезла. К счастью, предмет, который положила туда кузина Генри Эштона, лежал на самом краю. Он упал под ноги миссис Норидж, и она очень осторожно, чтобы не пораниться, подняла его.

Красная роза – вот что оставила в трубе Шарлотта Пирс.

От прыжков под вентиляцией, совершенно недопустимых для женщины с ее репутацией, была одна несомненная польза: миссис Норидж согрелась. Поэтому она не легла в постель, а зажгла лампу и подвинула к себе перочинный ножик и яблоко – спутники ее размышлений на протяжении последних трех недель.

Первый надрез. Чердачное окно.

Второй надрез. Галерея и роза.

Третий надрез. Болонка, найденная мертвой в колодце.

Миссис Норидж нахмурилась. Если все перечисленное объединить в одну картину, то становится очевидно одно: вскоре дом Эштонов ждут новые неприятные события.

Но она вновь ошиблась.

На следующее утро, стоило гувернантке войти в столовую, она увидела бегущую ей навстречу Лилиан. Волосы девочки растрепались, лицо пылало в радостном предвкушении.

– Миссис Норидж! Миссис Норидж! К нам едет папин друг!

Вслед за дочерью подошел мистер Эштон, сжимая в руке письмо.

– Роджер Хинкли, мой старый товарищ по детским играм собирается приехать! – Сэр Генри не мог скрыть волнения. – Бог знает сколько лет мы с ним не виделись! Ох, что-то будет!

Приезд мистера Хинкли взбудоражил всех обитателей. «Ох, что-то будет!» – словно повторяли про себя все. Но каждый вкладывал в эти слова свой смысл.

Кельвин Кози, казалось, потирал руки в ожидании чего-то плохого, и его длинный нос морщился сильнее обычного. Лилиан бесхитростно радовалась. Дэйзи на кухне вдохновенно изобретала новые блюда, такие же малосъедобные, как и обычно. Даже Шарлотта Пирс оживилась. На скулах ее появился румянец, когда она сказала, что помнит Роджера – он был очаровательным увальнем.

Лишь один человек не разделял всеобщего возбуждения. Агнесса Эштон поджимала тонкие губы и хмурилась, слыша о скором приезде Хинкли. Миссис Норидж ловила предостерегающие взгляды, которые Агнесса бросала на мужа. Но сэр Генри был так увлечен воспоминаниями о детских проказах, что ничего не замечал.

В один из вечеров миссис Норидж стала невольной свидетельницей горячего спора между супругами. Гувернантка проходила мимо библиотеки и заметила, что дверь приоткрыта. Когда она подошла, до нее донесся обрывок разговора.

– Не разрешай ему приезжать, Генри! – просила миссис Эштон.

– Но мы должны, дорогая!

– Нет, прошу тебя! Ты навлечешь несчастье на всех нас!

– Ну-ну... Не говори глупостей.

– Это вовсе не глупости! – воскликнула Агнесса с отчаянием в голосе. – Призрак существует, мы оба знаем это!

Мистер Эштон ничего не ответил.

Роджер Хинкли приехал раньше ожидаемого. Все вокруг было еще затянуто густой пеленой тумана. Не успел стихнуть топот лошадиных копыт, увозивших кэб, как тишину сонного сада нарушили четкие бодрые шаги.

Дом насторожился. Он приоткрыл ставни, недоверчиво прислушиваясь. Он обратил все свои помутневшие окна на гостя. А тот, ни о чем не подозревая, приближался к дверям.

Пока чета Эштонов встречала его, миссис Норидж наблюдала в стороне. Она опасалась, что с приездом Роджера Хинкли разыграется последний акт этой пьесы. Необходимо было понять, что за актер вступил на сцену.

Роджер оказался вовсе не милым увальнем. Это был седой, крепкий, коротко стриженный джентльмен с гладко выбритым лицом и умными карими глазами. Он обнял сэра Генри и тепло поздоровался с Лилиан и Агнессой.

Девочке мистер Хинкли тут же вручил подарок. Когда Лилиан развернула пакет, в нем обнаружилась прекрасно изданная книга с иллюстрациями лучших пейзажистов Англии. Не было вернее способа завоевать ее сердце.

– Миссис Норидж! Смотрите, какое чудо!

А Генри уже вел старого друга осматривать поместье.

Мрачные окрестности не произвели на Роджера никакого впечатления – вернувшись, он выглядел по-прежнему совершенно спокойным. Это спокойствие он утратил лишь раз: когда увидел спускавшуюся с лестницы Шарлотту Пирс.

Смущение Роджера Хинкли было вполне понятно. Шарлотта сменила черное платье на жемчужно-серое, и, несмотря на его скромный покрой, казалась прекрасной как никогда. Глаза сияли, кожа порозовела – не то сказочная принцесса, очнувшаяся от столетнего сна, не то сирена, заманивающая путника в свои сети.

– Как будто и не было всех этих лет, милый Роджер, – сказала она, подставляя щеку для поцелуя.

– Для вас, но не для меня, – неловко возразил он. – Шарлотта, вы не изменились.

– А вы стали льстецом. Когда мы виделись в последний раз, мне было всего шестнадцать.

Роджер Хинкли пробормотал что-то невнятное и замолчал.

За ужином он взглядывал на Шарлотту лишь изредка и сразу отводил глаза. А вот миссис Пирс, не скрываясь, рассматривала его. Она казалась удивленной и одновременно обрадованной, словно человек, вернувшийся в места своего детства и обнаруживший, что там все осталось неизменным.

Мистер Хинкли начал пересказывать эпизод из своей военной службы и запнулся, увидев, как пристально она смотрит на него.

– Шарлотта, ты смущаешь Роджера, – заметил Генри Эштон.

– Мне всего лишь нравится слушать его рассказ, – тихо возразила она. – Роджер, вы не возражаете?

– Как я могу быть против?

Он открыто улыбнулся ей.

Супруги Эштон обменялись быстрыми тревожными взглядами.

После ужина Шарлотта без всяких церемоний взяла гостя под локоть и увела на прогулку. Миссис Норидж показалось, что Роджер Хинкли совсем не протестовал. Но Агнесса Эштон осуждающе бросила им вслед:

– Подумать только! Какой напор!

– Шарлотта всего лишь излишне прямолинейна, – попытался оправдать кузину сэр Генри. – Посмотри, она будто ребенок с новой игрушкой.

Миссис Эштон повернулась и проговорила с тихой угрозой:

– Будем надеяться, эту игрушку она не ломает.

И еще один обитатель Эштонвилла не радовался происходящему. Кельвин Кози с появлением мистера Хинкли превратился в тень, шныряющую по углам. Он следил за Роджером и Шарлоттой, и его маленькие крысиные глазки злобно сверкали из темноты.

Миссис Пирс ничего не замечала.

Зато миссис Норидж замечала многое.

И чем больше она видела, тем острее ощущала, как нарастает вокруг напряженность. Сторонний наблюдатель удивился бы, услышав это. Так путник глядит на проплывающий мимо корабль, с которого доносятся веселые голоса, и думает о том, как устойчиво и крепко это судно. А те, кто на корабле, криками и смехом заглушают рокот гигантского водопада, к которому неумолимо несет их течение.

Корзина с яблоками в комнате Эммы почти опустела, а гувернантка до сих пор была далека от разгадки.

Очищая последнее яблоко, миссис Норидж обдумывала, что ей известно.

Итак, бедная сирота Шарлотта вышла замуж в таком возрасте, в котором к женщине уже прочно приклеен ярлык старой девы. Однако муж ее вскоре скончался, и овдовевшая миссис Пирс вернулась обратно в родовое гнездо. Генри Эштон принял ее с теплотой, невзирая на некоторые странности кузины.

Что случилось вскоре после этого? Три человека сошли с ума. Одного из них миссис Норидж видела собственными глазами.

Легенда гласит, что в поместье вот уже сотню лет обитает призрак, просыпающийся лишь тогда, когда под крышей Эштонвилла оказывается убийца. Мистер Эштон не верит в эту историю, зато верит его жена. «Ты навлечешь несчастье на всех нас!» – крикнула она мужу, и голос ее был полон неподдельного страха. Возможно, она знала о Роджере Хинкли то, чего не знали другие.

Однако Генри Эштон не послушался.

Чего же он не должен был делать? Приглашать Роджера Хинкли? Позволять своей кузине очаровывать его?

И что стоит за выходкой Кельвина Кози?

«Я по-прежнему убеждена, что нечто ужасное поселилось в Эштонвилле, и всем, кто там живет, угрожает опасность», – написала взволнованная Кэтрин. Еще три недели назад Эмма Норидж была уверена, что все дело в излишней впечатлительности ее подруги. Но теперь она хорошо понимала ее чувства.

Какое-то звено из цепи событий ускользало от нее. Картина происходящего не складывалась, разбиваясь на отдельные кусочки.

Мать мистера Эштона не разговаривала с племянницей до самой смерти. Шарлотта Пирс зачем-то забиралась на чердак, а еще она оставила красную розу в вентиляционной трубе. Роза для Кельвина Кози... Возможно ли, чтобы красавицу Шарлотту и секретаря что-то связывало?

Миссис Норидж попыталась вспомнить, видела ли она, чтобы эти двое разговаривали друг с другом? Кажется, они обменивались лишь скупыми приветствиями. Секретарь неприятен и склизок, как капустная улитка. Прежде Эмма думала, что он вызывает у Шарлотты лишь антипатию.

Выходит, она ошибалась.

«Я только и делаю, что ошибаюсь», – рассерженно подумала миссис Норидж. Одни лишь вопросы, вопросы без ответов!

И самый главный, не дающий ей покоя: отчего потеряли рассудок прежняя гувернантка, кухарка и дворецкий?

Со дня приезда Роджера прошло уже две недели, а призрак Тимоти Эштона не давал о себе знать. Завывания в галерее прекратились, и Лилиан снова стала крепко спать по ночам. Шарлотта выглядела помолодевшей на десять лет, Роджер Хинкли – влюбленным.

Если и был человек, начавший сходить с ума, то это миссис Эштон.

Что-то странное происходило с женой сэра Генри. Агнесса похудела, в ее глазах поселился страх. Миссис Норидж заметила, что она старается не оставлять мужа одного. Боялась ли миссис Эштон, что месть призрака обрушится на него? Или ей было страшно за себя?

Генри, казалось, не замечал грызущей ее тревоги. Он по-прежнему много работал, закрывшись в кабинете со своим секретарем, а Агнесса часами бродила вокруг.

Ее болезненное возбуждение заметила даже кухарка.

– Миссис Норидж, с нашей леди творится неладное. Вчера пришла сюда и давай меня выпрашивать, не храню ли я у себя каких лекарств.

– А вы храните, Дэйзи?

– Да господь с вами! У меня одно лекарство от всех болезней. – Кухарка подмигнула. – Да только хозяйке-то я это, понятное дело, не сказала. Ничего, говорю, у нас такого не водится.

– Она сказала, какие лекарства ей нужны? – спросила Эмма, нахмурившись.

– Вроде как от бессонницы ей нужны были капли. Хочу, говорит, так спать, чтобы от самого сильного шума не просыпаться. И смотрит на меня. А глаза у нее при этом дикие и будто бы неподвижные. Вот такие!

Дэйзи вытаращила глаза и застыла, плотно сжав губы.

– Я ей говорю, что, мол, к доктору надо за такими каплями. А она смотрит и молчит. Как будто и не слышала. Я, значит, повторяю, а она возьми да крикни: «При чем здесь доктор?!» Схватилась за виски, будто у нее голова разламывается пополам, и ушла. Не нравится мне все это, миссис Норидж, ой как не нравится...

– Не говорите об этом никому, Дэйзи, – предупредила миссис Норидж. Уже выходя, обернулась и добавила: – И запирайте дверь на ночь.

С этого дня гувернантка взяла за правило обходить дом в полночь. Она передвигалась очень осторожно, опасаясь наткнуться на Кельвина Кози или Шарлотту. Но они больше не приходили в галерею. Вентиляционная труба оставалась пустой.

Две ночи прошли спокойно. А на третью случилось неожиданное.

Едва миссис Норидж вышла за порог комнаты, у нее возникло странное чувство. Она прислушалась и поняла: к привычным запахам добавился новый. Вокруг пахло старым деревом, отсыревшими стенами, пыльными шторами, коврами, которые давно не выбивали... Но это все было ей знакомо.

Слабый запах дыма – вот что было новым. Где-то горела свеча.

Ночь выдалась безлунная. Тот, кто шел по дому, ничего не мог разглядеть, и потому зажег свечу.

Миссис Норидж могла бы проделать знакомый путь с закрытыми глазами. Ведя рукой по стене, она неслышно двинулась к лестнице.

Слабый отблеск был виден издалека. Кто-то стоял на втором этаже, прикрывая лепесток пламени рукой, чтобы не погас от сквозняка. Миссис Норидж показалось, что это мужчина. Но не успела она присмотреться, как свет проплыл вперед – и исчез.

Тот, кто шел со свечой, свернул в коридор.

Эмма торопливо двинулась за ним. Она почти бегом поднялась по лестнице и устремилась в левое крыло.

Тусклый свет замаячил впереди. Определенно, человек шел к комнате Шарлотты Пирс.

На миг у миссис Норидж зародилось подозрение, что это Роджер Хинкли. Но она почти сразу вспомнила, что для Хинкли отвели комнату неподалеку. Ему не было необходимости идти к лестнице, чтобы попасть к Шарлотте.

Нет, это не Хинкли. Оставались Кельвин Кози и сам мистер Эштон. Вспомнив розу, миссис Норидж поморщилась. Выходит, это все-таки знак влюбленных?

И вдруг свеча погасла и раздался негромкий удивленный возглас.

– Ты?! Что ты здесь делаешь?

Эмма с неожиданным проворством отпрыгнула за выступ стены. Генри Эштон!

Ему что-то неразборчиво ответил тихий женский голос. Когда миссис Норидж узнала его, на лице ее отразилось изумление.

Это была вовсе не Шарлотта. Это была Агнесса Эштон!

Выходит, сэр Генри встретил собственную жену.

– Агнес, это немыслимо, – шепотом воскликнул Генри. – Ты с ума сошла!

– Это ты сумасшедший! Зачем ты пришел сюда, признайся!

– Я пришел за тобой. Обыскал весь дом, прежде чем догадался, где тебя можно найти.

– Ты лжешь!

– Я говорю тебе чистую правду.

Пауза – и вдруг короткий изумленный вскрик сэра Генри:

– О господи! Что это у тебя?!

Миссис Норидж вздрогнула. Что его так испугало?

– Нож? – с недоверчивым ужасом проговорил мистер Эштон. – У тебя нож?! Агнесса!

В этот миг гувернантка с трудом удержалась, чтобы не выйти из укрытия.

– Я... Я бы ничего не сделала, – запинаясь, пробормотала его жена.

– Как ты могла?!

– Клянусь, Генри!

– Ты понимаешь, что это было бы убийство?

Миссис Эштон заплакала.

– Чш-ш-ш! Ты разбудишь Шарлотту.

– Я бы не стала... – сквозь слезы проговорила она. – Нет, только не убийство!

– Отдай. Отдай мне его. Ты порежешься.

Теперь Генри разговаривал с женой как с ребенком. Послышалось звяканье: Агнесса выпустила оружие из рук.

– Хорошо. Я подниму его, и мы уйдем отсюда.

Горестные всхлипы были ему ответом.

– Прости меня, Генри!

– Ну что ты, дорогая!

– Ох, Генри, я так боюсь...

– Все будет хорошо. Поверь мне, все будет хорошо. Пойдем. Подожди, свеча!

– Где она?

– Сейчас найду. – Недолгое шуршание. – Агнесса, послушай...

– Да?

– Запомни: Шарлотта не должна ничего узнать.

Послышались шаги. Миссис Норидж вжалась в стену. Агнесса и Генри Эштон медленно прошли мимо нее. Генри поддерживал жену под локоть. Агнесса с растрепанными волосами выглядела постаревшей и очень несчастной.

Эмма проводила их взглядом. Но он был прикован не к двум силуэтам, сливавшимся в один, а к ножу в руке сэра Генри. Это был не просто столовый нож, а длинный острый тесак для разделки мяса.

«Завтра Дэйзи обнаружит пропажу», – подумала миссис Норидж.

Не заметив ее, супруги свернули к лестнице, и вскоре огонек свечи растворился в недрах дома.

Только тогда Эмма вышла из тени. Она подкралась к комнате Шарлотты и прижалась ухом к двери.

Тихо. Ни звука.

Первым делом миссис Норидж спустилась на кухню, чтобы проверить свою догадку. Так и есть: одного ножа не хватает. Унесла ли Агнесса его незаметно во время разговора с Дэйзи, или же специально сходила за ним ночью в кухню? Как бы там ни было, нож она взяла и собиралась им воспользоваться.

Но отчего сэр Генри решил скрыть это от Шарлотты? Если Агнесса опасна, не преступно ли оставлять ее потенциальную жертву в неведении?

Миссис Норидж зажгла лампу и наклонилась над ящиком, где кухарка держала яблоки. Ящик оказался пуст. Эмма выпрямилась с коротким возмущенным возгласом.

Что же делать? Сейчас ей как никогда требовалось занять руки, чтобы освободить голову.

Пошарив по корзинам и ящикам, гувернантка отыскала грушу. Выбора не оставалось: она уселась с грушей за стол и сняла с плода первый мягкий слой.

Что случилось этой ночью? Агнесса Эштон пришла к комнате Шарлотты посреди ночи и поджидала под ее дверью с ножом. Генри отыскал жену, отобрал у нее оружие и увел.

«Я бы ничего не сделала», – сказала Агнесса Эштон.

Неужели хозяин поместья все это время скрывал болезнь жены?

Миссис Норидж вспомнила свое первое впечатление от хозяйки Эштонвилла. Нет, тогда она вовсе не выглядела сумасшедшей. Высокомерной и не слишком умной – пожалуй. Но не более помешанной, чем ее муж.

Быть может, Агнесса влюбилась в Роджера Хинкли и приревновала?

Или возненавидела Шарлотту за то, что Лилиан привязана к ней сильнее, чем к матери?

Миссис Норидж раздраженно отбросила ножик. Не то, все не то! Каждое из этих предположений – полная ерунда. А главное, ни одно из них не объясняет, отчего помешались те трое! Даже если Агнесса Эштон безумна, как шляпник, ей не под силу свести их с ума.

И Кельвин Кози с его коробкой не выходит у нее из головы. Будь на его месте другой человек, Эмма заподозрила бы недобрую шутку. Но секретарь ничего не делает без собственной выгоды. Чего же он добивался, пугая обитателей дома?

Миссис Норидж вдруг подумала, что за выходкой Кельвина вполне может стоять мистер Эштон. Странно, что эта мысль не приходила к ней раньше. Генри Эштон – единственный человек, к которому Кози относится с почтением. Он мог исполнять его просьбу...

Но зачем это нужно сэру Генри?

Каждое предположение громоздит над собой лишь новую гору вопросов.

И самый главный по-прежнему остается неразрешенным. Три человека... Три человека!

Как они сошли с ума?

Эмма даже зажмурилась от напряжения. А потом усмехнулась. Пожалуй, подумала она, ей известно, как это случилось. Первым помешался дворецкий, боявшийся призраков с гильотиной. А кухарка и гувернантка обезумели в бесплодных попытках понять, отчего он свихнулся.

Мрачноватый юмор этой версии пришелся по душе миссис Норидж. Гувернантка иногда шутила – когда была уверена, что никто ее не видит. Она признавала лишь один вид смеха – смех наедине с собой.

А главное, эта гипотеза не оставляла сомнений в том, кто станет четвертым помешавшимся. Им будет она сама. Ее бедные мозги вот-вот скрипнут, щелкнут и придут в полную негодность. Тогда-то и разразится Эмма Норидж демоническим смехом, представляя появление следующего несчастного, который попытается разобраться в этой загадке.

– Гм-гм, – вслух сказала миссис Норидж, пристукнув кулаком по столу. – Вернемся к нашему делу.

Она отогнула большой палец: призрак Томаса Эштона – раз. Секретарь ничего не выдумал, когда рассказывал о нем кухарке. Легенда есть, и большинство из живущих здесь верят в нее.

Указательный палец: нож в руках Агнессы – два.

Средний палец: коробка Кельвина Кози – три. Велико искушение заподозрить секретаря в помешательстве слуг. Но одного ночного воя недостаточно, чтобы человек обезумел.

Было что-то еще! Что-то еще... Но что?

Эмма отодвинула бесполезную грушу. Пальцы ее погрузились в сочную мякоть, и гувернантка безгласно отдернула руку. Груша была гнилой.

Миссис Норидж на время забыла о своем расследовании. Она встала, заглянула в корзину и обнаружила, что все груши испортились. Те, что лежали на дне, размякли и превратились в компот. Верхние еще пытались притворяться доброкачественными, но и их уже облепили мелкие назойливые мошки.

Миссис Норидж поморщилась. Ох уж эта Дэйзи! Конечно, кухарка купила сорт «Беренис». Любой хозяйке известно, что груши этого сорта покупают твердыми и дают им дозреть на подоконнике. Хочешь получить к столу мягкую грушу, выбирай на рынке самые жесткие плоды.

Полная корзина раскисших груш! Если бы в этот момент Дэйзи увидела гувернантку, она бы бежала в страхе, ибо миссис Норидж разгневалась не на шутку. Она могла простить холодную овсянку и подгорелый бифштекс. Но только не фрукты! Если купишь два фунта мягких груш, получишь два фунта гнилых груш.

Как можно не знать таких очевидных вещей!

Миссис Норидж выпрямилась и замерла.

Постойте, постойте... Очевидных вещей?

В голове ее молнией сверкнула невероятная догадка.

Миссис Норидж вернулась к столу, подняла грушу и добрых три минуты смотрела, не отрываясь, на желтую прозрачную мякоть. Сладкий сок стекал по запястью, но Эмма не замечала этого.

Все загадочные события крутились перед ее глазами, будто во вращающемся калейдоскопе, и стремительно складывались в цельную картину. И пусть картина была пестрой, но каждая деталь занимала в ней свое место.

Бог ты мой, как она могла быть такой слепой! Самое простое объяснение, лежавшее на поверхности, все время было у нее перед глазами.

Испорченная груша!

Ночь закутала Эштонвилл в черный кокон. В небе изредка проскальзывала волнистая прядь облака, словно хвост летящего дракона, но и ее тут же поглощала темнота. Вдалеке неумолчно шумел лес. Гул его то стихал, то вновь набирал силу, будто зеленые волны накатывали на берег и отступали обратно.

Лишь один раз непроглядная мгла рассеялась. Дверь дома приоткрылась, выпустив наружу боязливый узкий луч света, и тут же захлопнулась.

Вышедший наружу человек быстро зашагал по дорожке. Он двигался, полагаясь больше на собственную память, чем на зрение, и двигался быстро. Ноги сами обходили все выбоины и щели, внутреннее чутье верно подсказывало направление.

Человеком, покинувшим Эштонвилл в два часа ночи, была Эмма Норидж. Она собиралась получить подтверждение своей версии немедленно, и никакая темнота не смогла бы ее остановить.

Час спустя в окошко маленького домика, притулившегося возле церкви, постучали. Священнику спросонья показалось, что это ветки скребут о стекло. Но когда стук повторился, он вскочил, зажег лампу и бросился к двери.

Из темноты выступила высокая фигура в длинном плаще.

– Миссис Норидж? – ахнул старый священник, подслеповато вглядываясь в гувернантку. – Бог мой! Что случилось? Кто-то умер?

– Нет, но может умереть в скором времени.

– Что вы такое говорите?

Старик отступил, пропуская ее в дом. Миссис Норидж вошла с таким спокойствием, будто в ее ночном визите не было ничего необычного.

– Так что случилось? – волновался священник.

– Простите за позднее вторжение, но мне необходимо было поговорить с вами.

– Я слушаю!

– Вы сказали, что у вас хорошая память на детали.

– Да, это так, – подтвердил ничего не понимающий старик.

– Тогда ответьте мне: вы помните, как погибла собачка старой миссис Эштон?

Священник посмотрел на гувернантку долгим взглядом и сделал осторожный шаг назад.

– Я не сошла с ума! – нетерпеливо сказала Эмма. – Но это очень важно. От вашего ответа зависит жизнь и смерть кого-то из обитателей Эштонвилла.

– Что?!

– Прошу вас, ответьте, – повторила миссис Норидж. – Вы столько лет прожили рядом с Эштонами. Неужели вы забыли? Я понимаю, в вашем возрасте сложно помнить все...

Старик горделиво выпрямился.

– Моя дорогая миссис Норидж! В моем, как вы заметили, возрасте действительно непросто помнить все. Однако если вы спрашиваете меня о собаке старой миссис Эштон, то моя голова отлично сохранила то, что ее касается.

– И отчего же она умерла?

– Она не умирала.

– Как?

– Она не умирала, потому что и не жила, – разъяснил священник. – У миссис Эштон не было никакой собачки.

Эмма Норидж подалась к нему:

– Святой отец, вы уверены?

– Нет, это просто смешно! – возмутился старик. – Сначала вы врываетесь ко мне глубокой ночью, затем требуете ответа на глупейший вопрос... А когда я говорю вам, что вопрос лишен смысла, вы ставите мои слова под сомнение. Возмутительно!

– Но собачка... – начала Эмма Норидж.

– Глория Эштон терпеть не могла собак! – отрезал священник. – У нее был полный дом кошек. Уж поверьте, этого я бы не смог забыть. У меня у самого жил терьер, и миссис Эштон каждый раз напоминала мне, чтобы я держал его подальше от нее.

– Терпеть не могла собак... – медленно повторила миссис Норидж.

И вдруг улыбнулась. Это была удовлетворенная улыбка человека, подтвердившего свою правоту.

– Прекрасно, просто прекрасно, – вполголоса сказала она самой себе.

– Что именно? – спросил священник, окончательно растерявшись. Он впервые увидел улыбку на сдержанном лице миссис Норидж, и это поразило его едва ли не сильнее, чем ее ночной визит и странные расспросы.

– То, что Глория Эштон терпеть не могла собак. Спасибо вам, святой отец. И еще раз примите мои глубочайшие извинения.

– Куда вы?!

– Обратно, разумеется! – Миссис Норидж уже стояла на пороге. Ветер развеивал полы ее плаща.

– Но вы не найдете дорогу! – всполошился священник. – Безумная вы женщина, подождите, я хотя бы дам вам лампу!

– Не стоит, святой отец. Спасибо вам за заботу, но я предпочла бы вернуться незамеченной.

– Да постойте же! Могу я хоть чем-нибудь вам помочь, раз уж вы предприняли такой путь?

Миссис Норидж ненадолго задумалась. Затем лицо ее просветлело.

– Вы весьма меня обяжете, если найдете пару яблок.

...На другой день, едва рассвело, Агнесса Эштон вышла в сад. Ей нужно прийти в себя. Руки немножко дрожат с утра, глаз дергается, и тик выводит из равновесия. Если бы не это, она бы совсем не нервничала.

Да и отчего ей тревожиться? Генри ночью пообещал, что все будет хорошо, а он никогда не обманывал ее.

Агнесса остановилась. Взгляд ее упал на обломанный и уже почерневший черенок розы. О, как отвратительно! Гнев вдруг вспыхнул в ее груди с новой силой. Женщина обхватила стебель и с силой сжала его, не замечая, что острые колючки прокалывают кожу.

Она очнулась только тогда, когда заметила стекающую по руке струйку крови. Испуганно отдернула руку.

Нет-нет, так нельзя... Агнесса заставила себя выпустить стебель и машинально вытерла кровь о подол платья.

Все хорошо. События той ночи – лишь морок, который развеется, едва уедет Роджер Хинкли.

Но тогда откуда эта червоточина в душе?

Эхо дикого хохота отдалось у нее в ушах, а перед глазами встало бледное, искаженное ужасом лицо прежней гувернантки. Агнесса провела рукой по лбу, отгоняя дурные воспоминания. Разве можно винить ее в том, что девушка кончила психиатрической лечебницей? Она не виновата! Никто не виноват в том, что случилось!

В любом случае, это все позади. Генри обещал поговорить с Роджером и раскрыть ему глаза на Шарлотту. Хинкли уедет, и все вернется на круги своя.

Агнесса сделала еще несколько шагов и вдруг в зарослях акации увидела два силуэта.

В лучах восходящего солнца казалось, будто золотистые волосы Шарлотты Пирс излучают сияние. Что касается Роджера Хинкли, он тоже сиял, но скорее не от солнца, а оттого, что сжимал Шарлотту в своих объятиях.

Агнесса вздрогнула и прижала ладонь к губам. Какое неслыханное бесстыдство!

Роджер наклонился к Шарлотте, и шокированная миссис Эштон торопливо отвернулась.

В окне первого этажа мелькнула мужская фигура. Агнессе не нужно было вглядываться, чтобы узнать мужа. Генри видел все то же, что и она.

Она знала, о чем думает ее муж, глядя на целующуюся пару. Генри тоже понимает, что время упущено. Они должны были раньше объявить Роджеру, что Шарлотта Пирс – чудовище. Тогда еще была бы надежда, что все закончится хорошо.

Но теперь, когда дело зашло так далеко, Роджер не прислушается к ним. Влюбленные мужчины глухи к любым голосам, кроме зова собственной страсти.

Значит, остается лишь одно: попытаться исправить то, что еще возможно.

За ужином некоторая принужденность ощущалась во всех. Даже Роджер Хинкли, счастливый, как мальчишка, почувствовал ее и озадаченно присматривался к окружающим, не понимая, откуда исходит напряжение.

Шарлотта всегда пила травяной чай с анисом. Остальные не любили этот вкус, поэтому для миссис Пирс чай заваривали отдельно. Вот и сейчас Дэйзи принесла на подносе два чайника: один она поставила перед миссис Пирс, а со вторым приблизилась к Агессе. Но вдруг вскрикнула и едва не опрокинула поднос на хозяйку.

– Господи, Дэйзи! – вскрикнула та. – Что с вами?

Генри приподнялся:

– Милая, все в порядке?

– Да-да, все хорошо, – нервно кусая губы, ответила Агнесса.

– Но что произошло?

Дэйзи покраснела.

– Я... мне показалось... – пролепетала она. – Мне показалось, что на вашем платье пятна, миссис Эштон. Красные пятна.

Агнесса опустила взгляд:

– Это всего лишь игра теней!

– Закат сегодня красный, – поддержал ее Роджер. – Вероятно, завтра будет дождь.

Шарлотта поймала кухарку за руку.

– Вы сами не обожглись, Дэйзи?

– Нет-нет. Простите, миссис Эштон! Пожалуйста, простите!

Агнесса махнула рукой, и донельзя смущенная Дэйзи исчезла.

Все спокойствие Агнессы как рукой сняло. Видно было, что она с трудом сдерживается, чтобы не разрыдаться.

Генри положил руку на плечо жене и заговорил успокаивающе и ласково. В это время Шарлотта быстро допила чай и поднялась.

– Простите, я вас оставляю.

Сэр Генри обернулся к ней:

– Так скоро?

– Меня что-то клонит в сон. Должно быть, от долгих прогулок.

Она улыбнулась Роджеру и направилась к дверям. Но за секунду до того, как выйти, Шарлотта бросила взгляд на миссис Норидж, игравшую в углу с Лилиан.

Роджер Хинкли заметил этот взгляд. Он изумился тому, как быстро и сильно преобразилось ее нежное лицо. В углах губ залегли жесткие складки, губы сжались в тонкую линию. В глазах сверкнула ярость, испугавшая его.

Но это продолжалось лишь несколько мгновений. Миссис Норидж ответила Шарлотте своим обычным бесстрастным взглядом, и та вышла.

Передвинув шахматную фигуру, миссис Норидж положила узкую ладонь на руку девочки.

– Послушайте, Лилиан, я хочу кое о чем вас попросить, – негромко, чтобы не услышали остальные, сказала гувернантка.

– Конечно, миссис Норидж, – с готовностью отозвалась та.

– Пожалуйста, переночуйте сегодня в моей комнате.

Голубые глаза Лилиан расширились от удивления.

– Миссис Норидж...

– Тише, дитя мое.

Девочка осеклась, услышав непривычное обращение.

– Только одну ночь, – продолжала миссис Норидж. – Обещаю вам, что это никому не принесет вреда.

– Хорошо, но где же вы сами будете спать?

– Сомневаюсь, что мне вообще придется спать этой ночью, – пробормотала миссис Норидж.

На закате поднялся ураганный ветер. Он промчался по городу, низко прижавшись к земле, точно охотничий пес, взявший след. Свернул в сторону Эштонвилла, сломав по дороге старый вяз и опрокинув указатель. Добравшись до поместья, ветер выпрямился в полный рост и со всей мощью обрушился на многострадальный дом.

Обезглавленные розы были прибиты к земле. Ветер вцепился в ставни, которые забыли закрыть на ночь, и с легкостью оторвал их. Но в дом ему не удалось проникнуть, как он ни пытался. С жутким воем ураган кружился вокруг, нападая то с одной стороны, то с другой, словно неприятельская армия, нащупывающая самое слабое место в обороне.

Лишь к полуночи он стих. Наступило тревожное затишье. Где-то вдалеке пролаяла собака и смолкла, будто испугавшись звука собственного голоса. После этого уже ничто не нарушало глухой ночной тишины.

Когда часы в гостиной пробили два раза, дверь отворилась. В зеркале, висевшем в дальнем конце коридора, смутно отразилась высокая фигура в белом платье. словно безмолвный призрак, она медленно двинулась в ту сторону, где находилась комната Роджера Хинкли. Только тихий шелест ткани сопровождал ее шаги.

Она прошла мимо зеркала, не повернув головы. В ее ровной бесшумной поступи не было ни сомнений, ни колебаний.

Рука бестрепетно сжимала острый нож, больше похожий на скальпель.

Возле комнаты Роджера человек с ножом замер и прильнул ухом к двери. Тишина убедила его, что ему ничего не угрожает. Просунув тонкое лезвие в щель, он поддел щеколду и откинул ее.

Дверь распахнулась сама, словно приглашая войти.

Роджер Хинкли спал. Одеяло на его кровати мерно вздымалось, рука была закинута за голову. Сон этот был крепок, раз его не прервал даже ураган.

Фигура в белом приблизилась и склонилась над спящим.

Казалось, на несколько секунд ночным гостем овладели сомнения. Еще можно было уйти, не тронув беззащитного человека. Не было свидетелей его вторжения, никто не выдал бы его.

Внезапно снаружи пронзительно и страшно ухнула сова. Роджер вздрогнул во сне, и тут же человек с ножом сдернул с него одеяло и молниеносно полоснул ножом по груди несчастного.

Треснула и разошлась ткань сорочки, обнажая кожу. На ней тотчас взбухла алая полоса, в темноте казавшаяся черной. От разреза в стороны разбежались тонкие ручейки.

Роджер Хинкли вскрикнул от боли и проснулся. Он резко сел, не понимая, что происходит, и прижал руку к груди. Второй его крик был громче, он разнесся по всему дому. Роджер отнял от груди руку и недоуменно взглянул на испачканную ладонь.

– Что за черт... – начал он.

И тут заметил человека с ножом в руке.

Лицо было скрыто от него в сумраке, и все, что он мог рассмотреть, – лишь очертания фигуры в белом одеянии и серебристый блик, играющий на острие ножа.

– Кто вы? Что вам нужно? – Хинкли наклонился, всматриваясь в него.

Лезвие сверкнуло в темноте, не оставляя никаких сомнений в намерениях ночного гостя. Роджер подался назад и закричал во весь голос:

– На помощь! Ко мне, сюда!

Если человек с ножом рассчитывал, что его жертва онемееет от страха, то он просчитался. Роджер очень быстро понял, что происходит, и он был не испуган, а ошарашен. Но даже оторопь и боль не помешали ему броситься на фигуру в белом платье.

Однако прежде, чем Хинкли успел приблизиться, нападавший снова выбросил нож. Джентльмен отшатнулся, уклоняясь от удара, упал и, воспользовавшись этим, преступник бросился прочь из комнаты.

Хинкли со стоном схватил рубашку и зажал кровоточащую рану. Из глубины дома до него донеслось хлопанье дверей, шаги и недоуменные женские выкрики.

– Сюда, скорее! – снова позвал он.

С третьей попытки ему удалось зажечь лампу. Роджер бросился в коридор, не обращая внимания на боль, чуть не споткнулся о порог, но удержался на ногах.

Дом проснулся и загудел. На лестнице замелькал свет и послышался голос Эштона, спрашивавшего, что случилось.

– Генри!

Хинкли направился к лестнице, но, пройдя несколько шагов, остановился и обернулся.

Дверь соседней комнаты была чуть приоткрыта. Роджер точно помнил, что это – одна из нескольких комнат, которые не отпирала по меньшей мере уже год.

Замолчав, он подошел ближе и замер, прислушиваясь.

– Роджер! Роджер! – звал неподалеку Генри Эштон.

Не отвечая, Хинкли приблизился к открытой комнате и наклонил голову. Изнутри послышался тихий шелест и еле уловимый звук легких шагов.

В комнате кто-то был.

Роджер больше не колебался. Он решительно поднял лампу повыше, толкнул локтем дверь и шагнул внутрь.

Спустя всего несколько секунд прибежал запыхавшийся Генри Эштон.

– Роджер! Роджер, где ты?!

– Я здесь, – глухо ответили ему.

– Господи, что ты там делаешь?

Генри распахнул дверь. Подбежавшая к нему Агнесса успела как раз вовремя, чтобы увидеть впечатляющую картину.

Роджер Хинкли стоял посреди комнаты. А у окна застыла Шарлотта Пирс, прикрывая ладонью глаза от яркого света.

В другой руке она сжимала маленький острый нож. Лезвие было обагрено кровью, красные следы выделялись на длинном белом платье Шарлотты, больше похожем на саван.

– Ты?!

В коротком восклицании Роджера смешались изумление, недоверие и боль.

– Роджер, что она с тобой сделала?

Генри подошел к другу и бережно раздвинул окровавленную рубашку на его груди.

– О господи! Агнесса, ты только взгляни!

– Пустяки, это всего лишь царапина. – Хинкли, морщась, снова прижал ткань к ране.

Шарлотта продолжала стоять неподвижно, словно механическая кукла, в которой кончился завод. Она уронила руки и отвернула голову к окну, шурясь от лампы.

– Надо отобрать у нее нож, – прошептала Агнесса. – Пока она еще кого-нибудь не зарезала.

– Не могу поверить... – Роджер сделал шаг к Шарлотте, но Генри ухватил его за руку.

– Стой! Ты не знаешь, на что она способна!

Шарлотта издала тихий стон.

– Я сам это сделаю. – В голосе Генри Эштона прозвучала неожиданная твердость. – Я во всем виноват. Но клянусь, больше никто не пострадает.

Он медленно подошел к Шарлотте. Роджер, несмотря на предостерегающий шепот Агнессы, последовал за ним. Генри Эштон осторожно вынул оружие из пальцев женщины, и руки ее безвольно упали.

– Сядь, дорогая... – ласково попросил Генри. – Сядь.

Роджер подставил стул. Им пришлось нажать ей на плечи, чтобы она подчинилась.

– Что с ней? – с ужасом спросил Роджер, глядя на оцепеневшую фигуру. – За что она хотела меня... ранить?

– Убить, мой друг, убить, – со вздохом поправил его Генри. – Прости, я обязан был предупредить тебя.

– Шарлотта...

Роджер попытался заглянуть ей в глаза. На лице его были написаны страдание и мука, но Генри Эштон встал между ними:

– Не подходи к ней. Сейчас она в подобии забытья, но может очнуться и броситься на тебя. Такое уже случалось.

Хинкли содрогнулся.

– Но почему? Что с ней, Генри?

– Она больна! – резко бросила Агнесса. – У нее бывают приступы ярости, во время которых она не контролирует себя, а после начисто забывает о случившемся.

– Она пыталась убить почти каждого, кто появлялся в нашем доме, – вздохнув, добавил Генри. – Прости, Роджер! Я видел, как ты увлечен, и надеялся, что хотя бы на этот раз все пойдет по-другому. Мы скрывали от всех ее ужасную болезнь....

Он помолчал и закончил:

– И за это ее муж заплатил жизнью.

Хинкли вздрогнул и перевел на него расширенные глаза.

– Это правда, – с горечью подтвердила Агнесса. – Генри удалось спасти ее от суда и позора.

– ...но я не смог спасти ее от самой себя.

Эштон отошел в сторону и закрыл лицо руками.

Минута прошла в тягостном молчании. Шарлотта по-прежнему сидела не двигаясь.

– Она не боится ни лечебницы, ни тюрьмы, – тихо сказала Агнесса. – Никто не выдерживал долго в нашем доме: она выбиралась по ночам из комнаты и бросалась на людей. Ей удастся вскрывать любые замки с поистине воровской ловкостью. Единственное, что может испугать ее, – это призрак Томаса Эштона. Когда мы узнали об этом, Генри придумал пугать ее завываниями. В такие ночи можно не беспокоиться, что она покинет спальню.

– Все зашло слишком далеко, – глухо сказал Генри Эштон, отняв руки от лица. – Но на этот раз я позабочусь о том, чтобы никто больше не пострадал. Прости меня, Агнесса! Ты была во всем права. Завтра же я привезу врача.

Он обернулся к другу:

– Роджер, ты сможешь задержаться на один день? Рассказать доктору о том, что случилось?

Хинкли кивнул.

– После этого, я думаю, тебе будет лучше уехать.

Роджер отошел к стене и опустился прямо на пол.

– Тебе плохо? – бросился к нему Генри. – Что, рана?

Тот молча покачал головой.

– Видишь ли, Генри... – тихим ровным голосом сказал он. – Я помнил девушку, в которую когда-то был влюблен. Прекрасное дитя, не похожее на остальных. Прошла целая жизнь – долгая, не самая простая жизнь. И вот я возвращаюсь сюда – и кого я вижу? Ту же девушку, ждущую меня. Как будто вся моя судьба, все печали и горести были лишь дорогой, ведущей к ней. Ты не можешь представить, как я был счастлив, Генри. Ибо сейчас, на закате лет, счастье обрести любимую ощущается в тысячу раз острее, чем в юности, что бы там ни говорили глупцы.

Он вскинул на друга сухие глаза:

– И что же я узнаю? Что женщина, которую я люблю, безумна. Что она убийца. Что лишь оболочка осталась от того существа, которое я знал когда-то, а душа его поражена гнилью. Я познал много утрат, Генри. Но ни одна из них не приносила мне столько горя.

Роджер поднялся, но отвел протянутую к нему дружескую руку.

– Прости, я должен сам вынести это.

Он сделал несколько неуверенных шагов к двери. Но вдруг обернулся и с силой выдохнул:

– Нет, я не верю, не могу поверить!

– И правильно делаете, мистер Хинкли, – проговорил сзади суховатый женский голос.

Все в комнате вздрогнули.

Гувернантка, одетая и тщательно причесанная, перешагнула через порог.

– Миссис Норидж? – раздраженно воскликнула Агнесса. – Что вы здесь делаете?

– Пытаюсь предотвратить преступление, миссис Эштон.

– Вы опоздали! – резко сказал Генри Эштон. – В этой комнате только один преступник, и он не в себе. Обещаю, Шарлотта понесет наказание. А теперь уходите. Это вас не касается.

Но миссис Норидж не двинулась с места.

– Простите, сэр, вы допустили три ошибки. Во-первых, меня это касается. Во-вторых, в этой комнате не один преступник, а два. И в-третьих, тот, про кого вы сказали «не в себе», прекрасно все осознает.

Супруги разом обернулись к Шарлотте. Вскрик изумления сорвался с губ Агнессы. Генри оказался более сдержан, но даже он под гневным взглядом кузины отступил назад.

Шарлотта Пирс выпрямилась во весь рост и вскинула голову. На ее лице не осталось и следа сонливого отупения.

– Что, не ожидал, дорогой кузен? – звучно спросила она.

Агнесса пролепетала:

– Как? Как такое может быть?

– Возможно, все дело в чае, – предположила миссис Норидж. – В том самом чае для миссис Пирс, куда вы подсыпали средство, добытое для вас Кельвином Кози. Я бы также не стала исключать, что кто-то третий подменил отравленный чай нормальным и предупредил миссис Пирс, как ей нужно себя вести.

– Что?! Что вы несете?!

– Не стану скрывать, что кухарка нарочно отвлекла вас. Вы не должны были усомниться, что выпитый чай – именно тот, который вы заботливо приготовили для нее. Полагаю, вам хорошо известен запах вещества, которое подсыпали миссис Пирс. Кстати, что это за наркотик, который можно растворить в воде?

Агнесса ошеломленно молчала. Генри Эштон смотрел на гувернантку, разинув рот, не в силах сказать ни слова.

Не дождавшись ответа, миссис Норидж пожала плечами:

– Что ж, об этом расскажет химический анализ. Либо сам Кельвин Кози признается, что за вещество он принес вам.

– Анализ?! – выдавил Генри Эштон.

– Не думаете же вы, сэр, что чай был вылит, – укоризненно заметила миссис Норидж. – Я его сохранила. Но одного чая было недостаточно, и поэтому мы с миссис Пирс разыграли для вас небольшую сцену.

Окаменевший Роджер Хинкли наконец-то обрел дар речи:

– Шарлотта! Генри! Агнесса! Господи, что происходит?! Кто-нибудь может мне объяснить?!

Шарлотта с волнением взглянула на него:

– Миссис Норидж – вот кто может все объяснить. Но поверь мне, Роджер, я не сумасшедшая.

– Но нож? И твоё платье...

– Позвольте, сэр, я кое-что расскажу, – мягко сказала миссис Норидж. – Вы не были здесь долгое время и многое знаете лишь с одной стороны. Например, вы слышали, что Шарлотта Пирс вышла замуж. Но вам неизвестно, что брак ее был очень счастливым. Господин Пирс был богат и боготворил свою супругу, а она любила его.

Шарлотта кивком подтвердила ее слова.

– Он посадил для меня сад, полный красных роз, – тихо сказала она. – Говорил, что я прекрасна, как они.

– Ты убила его! – вдруг выкрикнула Агнесса. Лицо ее перекопилось от злости. – Ты свела его в могилу!

Шарлотта побледнела. Не владея собой, она двинулась к миссис Эштон, но спокойный голос Эммы Норидж заставил ее остановиться.

– Мистер Пирс был намного старше своей жены, – сказала гувернантка. – Он заболел и умер. Смерть его была большим несчастьем, но она случилась по естественным причинам. Он не имел никакой родни, и Шарлотта Пирс осталась его единственной наследницей. О, целое состояние! И это в то время, когда вы, мистер Эштон, едва сводили концы с концами.

– Ложь!

– Оглянитесь вокруг, сэр. Этот дом – лучшее подтверждение плачевности вашего положения. У вас никогда не было больших доходов, но вы растратили и все то, что имели. Даже картины из галереи – и те не спрятаны, а проданы. Когда миссис Пирс овдовела, и возник этот хитроумный план. Если бы вас признали опекуном кухни, вы смогли бы распоряжаться ее деньгами.

– Какая чушь! Скажите еще, что я хотел убить Шарлотту! – насмешливо бросил Генри Эштон.

– Вы, безусловно, хотели ее убить, – невозмутимо согласилась миссис Норидж. – Но вас остановила жена. Ведь миссис Эштон свято верит в легенду, которая предрекает несчастье любому убийце, оказавшемуся под кровом этого дома. Она настолько верит в нее, что готова была с ножом защищать от вас Шарлотту Пирс, когда ей показалось, что вы готовы покончить с сестрой. Ах, мне следовало догадаться, что нож она взяла не для миссис Пирс! Ваша жена боялась того, что вы можете совершить. И разве у нее не было для этого оснований?

– Что за бред! Какие еще основания?

– Ну как же, мистер Эштон! – укоризненно покачала головой гувернантка. – Ваш дальний родственник, приезжавший из Индии. Это был ваш первый шанс на наследство, хотя этот джентльмен, конечно, не так богат, как миссис Пирс. Вы заблаговременно распустили слухи, что он кого-то убил и скрыл свое преступление, а затем расшатали камни в основании башенки на крыше. Сама природа подыграла вам, устроив небольшую бурю. Если бы упавшим камнем вашего гостя убило на месте, все решили бы, что это месть призрака. Но ваша жена вовремя вмешалась, страшась проклятия. Надо признать, что лишь благодаря ей и покойному Томасу Шарлотта Пирс до сих пор жива.

Пока она говорила, Генри успел овладеть собой. Он снисходительно улыбнулся:

– Миссис Норидж, ваши фантазии любопытны, но беспочвенны. Шарлотта свела с ума трех слуг, пугая их по ночам. Или вы будете отрицать их безумие?

Глаза гувернантки заблестели ярче.

– О да, безумцы! Я могла объяснить все, кроме них. Вот где был настоящий камень преткновения. Если бы не случайность, вряд ли мне удалось бы разгадать ваш замысел, сэр.

– Какая случайность?

– Груша. Гнилая груша.

– При чем здесь груша?! – не выдержал Роджер Хинкли, лихорадочно переводивший взгляд с одного на другого.

Миссис Норидж обернулась к нему.

– Видите ли, сэр, если купить на рынке мягкие груши и принести домой, то через два дня они испортятся.

Роджер Хинкли заподозрил бы, что над ним смеются, но серьезное бледное лицо Шарлотты убеждало его в обратном.

– К чему эта лекция по домашнему хозяйству? – резче, чем следовало, осведомился он.

– А если найти трех помешанных, – с той же интонацией продолжала гувернантка, – и поселить их в Эштонвилле, то рано или поздно их болезнь даст о себе знать.

Повисло молчание. Нарушил его Роджер Хинкли.

– Вы хотите сказать... – медленно начал он.

– Я хочу сказать, сэр, что мистер Эштон задался целью доказать, будто его кузина – сумасшедшая. Ее всегда считали женщиной со странностями – простите, миссис Пирс! – но между чудачествами и болезнью целая пропасть. Первая попытка не увенчалась успехом: доктора не обнаружили у Шарлотты Пирс душевного расстройства. И тогда мистер Эштон решил пойти другим путем. Если в некоем поместье один за другим сошли с ума три человека, то никто не удивится, когда это же несчастье постигнет и четвертого. Старинная легенда на этот раз помогла ему.

– Вы лжете... – сдавленным голосом проговорила Агнесса.

– Совсе нет, мэм, и вам это хорошо известно. Кельвин Кози в своих поездках не искал материал для книги. Он искал сумасшедших. Подбирал крохи сплетен, крупницы пересудов. О, ваш секретарь проделал действительно кропотливую работу! И ему удалось найти нужных людей. Безумцы, чье помешательство не сразу бросалось в глаза. Душевнобольные, чья болезнь таилась в глубине, до поры до времени не прорываясь наружу. Вам, сэр Генри, оставалось лишь планомерно доводить их до приступов. Вой несуществующего призрака, стук в дверь, шаги по ночам... Несколько капель страха – и плотину прорывало.

– Это ты! – горячо воскликнула Шарлотта. – Ты свел с ума ту молодую женщину! И кухарку, и дворецкого!

Генри Эштон отшатнулся от нее.

Но миссис Норидж не дала ему передышки:

– Все отмечали, что в поместье царит угнетающий дух, и приписывали это призраку. Однако все объяснялось гораздо проще. В вашем доме, сэр Генри, было тяжело находиться, потому что здесь люди медленно теряли рассудок. В глубине души все ждали, когда Шарлотта Пирс, убившая своего мужа, тоже сойдет с ума. На этом призрак старого Томаса угомонился бы, не так ли?

Генри Эштон лишь поморщился.

– Вы делали для этого все возможное, сэр. Для гувернантки отвели самую крошечную и унылую комнату, хотя в доме полно других, окна которых выходят в сад, а не на кладбище. Уволили предыдущую, которая оказалась слишком нормальна для вас. Вы и меня не хотели брать поначалу, даже выдумали несуществующие капризы Лилиан.

– Надо было слушать свой внутренний голос, – вдруг холодно сказал Генри Эштон. – Вы мне сразу не понравились. Но должен же был кто-то заниматься с Лили...

– Молчи, Генри! – взмолилась Агнесса. – А вы, вы, миссис Норидж... Уходите! Уйдите прочь!

Но ее выкрик прозвучал жалко и беспомощно. Агнесса сама почувствовала это и съежилась, словно пытаясь укрыться от обвиняющих взглядов.

Гувернантка обернулась к ней:

– Вам, миссис Эштон, в определенной мере я обязана успехом своего расследования. История про собачку была выдумана вами, чтобы убедить меня в чудовищном характере миссис Пирс. Ведь любому слушателю сразу было понятно, что бедное животное погибло от рук испорченной девушки. К счастью, я догадалась проверить эту историю. Если прежде у меня были сомнения, то после проверки они рассеялись. Старая миссис Эштон терпеть не могла собак. Несчастной болонки, погибшей в колодце, попросту никогда не существовало.

– А, так у вас все-таки были сомнения, – со странной интонацией проговорил Роджер Хинкли. Он смотрел на миссис Норидж недоверчивыми глазами и, кажется, до сих пор не мог поверить в происходящее. Только боль от раны на груди убеждала его в том, что все это ему не снится.

– Боюсь, я давала достаточно поводов для подозрений, – смущенно призналась Шарлотта.

– Всего два, – уточнила миссис Норидж. – Первый раз, когда я застала вас на чердаке. Вы, несомненно, искали какое-то устройство.

– Я предполагала, что прежнюю гувернантку пугал Кельвин Кози, спуская что-то с чердака на ее окно.

– О, конечно! На чердаке вы ничего не обнаружили, зато вентиляционная труба оправдала ваши ожидания. Меня сбила с толку роза, которую вы оставили для него. Следовало бы раньше вспомнить, что вы не переносите вида красных роз, и ваш подарок – не обещание, а предостережение.

Шарлотта отошла к окну и глубоко вдохнула, будто ей не хватало воздуха.

– Я была слишком глупа и доверчива. Мне казалось, Кози делает все эти пакости по собственной воле, назло. А за ним стоял ты, Генри! Господи, почему ты просто не попросил у меня денег? Неужели ты думаешь, я отказала бы тебе?

Генри Эштон запрокинул голову и рассмеялся.

– Зависеть от твоей милости? От воли сумасбродки? О нет, благодарю покорно!

– Да, сэр, вы предпочитаете все держать в своих руках, – согласилась миссис Норидж. – Когда приехал ваш старый друг, вы испугались. Мистер Хинкли готов был сделать предложение, и Шарлотта покинула бы вас, а с ней – и ее состояние. Только один человек удерживал сестру в вашем доме. Но с появлением мистера Хинкли даже он отошел бы на задний план.

– И кто же это? – удивленно спросил Роджер.

– Лилиан. Ваша невеста, сэр, любит девочку. А Лилиан любит ее.

Шарлотта молча кивнула. В глазах ее заблестели слезы.

– Мистер и миссис Эштон быстро заметили это, – объяснила миссис Норидж, – и воспользовались собственной дочерью как приманкой. Вы не уехали бы из Эштонвилла, миссис Пирс, пока Лилиан оставалась здесь. Но когда появился Роджер Хинкли, все изменилось.

Генри Эштон внезапно шагнул к двери.

– Довольно! – заявил он. – Я больше не намерен это слушать. Вы оба можете уезжать куда хотите, а вы, миссис Норидж, уволены.

– Боюсь, сэр Генри, вам придется меня дослушать, – очень почтительно заметила миссис Норидж. – В сложившихся обстоятельствах это поможет вам принять правильное решение.

Генри Эштон остановился.

– О чем вы говорите?

– О преступлении, на которое вы пошли, чтобы убедить мистера Хинкли свидетельствовать против его любимой.

Седовласый джентльмен долго смотрел на нее, не отрываясь. Наконец, не теряя высокомерного выражения, он вернулся обратно, поставил стул посреди комнаты и сел, положив ногу на ногу.

– У вас три минуты, миссис Норидж.

– Я уложусь в половину этого срока, сэр. Вас нельзя обвинить в том, что вы свели трех людей с ума и задумали закрыть четвертого в психиатрической лечебнице до конца его дней. Но этой ночью вы переоделись в белое платье, взяли нож и зашли в комнату мистера Хинкли. Ваша жена, уверенная, что она опоила миссис Пирс, ждала с ней в соседней комнате. Вы нанесли небольшую рану мистеру Хинкли – все-таки он ваш друг, и это удержало вашу руку, – выбежали из его спальни, зашли в соседнюю комнату и быстро сунули нож в руку Шарлотты. Окровавленные руки вы вытерли о ее ночную рубашку. На все это у вас ушло несколько секунд. Когда мистер Хинкли выбежал в коридор, вы уже на лестнице срывали с себя платье, под которым у вас был этот чудесный спальный костюм. Ваша жена отнесла платье в свою комнату и вернулась.

И вот тут Роджер Хинкли окончательно прозрел.

– Бог мой... – проговорил он, глядя перед собой невидящими глазами. – Ну конечно! Это был ты, Генри! Если бы Шарлотта нападала на меня, у нее бы сбилась дыхание. А ведь она стояла совершенно спокойная, как во сне.

– Однако, сэр, это соображение пришло вам в голову только сейчас, – заметила миссис Норидж. – Если бы все шло по плану мистера Эштона, завтра вы засвидетельствовали бы перед докторами, что Шарлотта Пирс пыталась вас убить. После этого ее судьба была бы решена. Вряд ли мистер Эштон выпустил бы ее из сумасшедшего дома.

– Это был бы очень хороший сумасшедший дом, – со смешком заметил сэр Генри. – Лучший, который можно обеспечить за деньги. – Он издевательски поклонился сестре. – За твои деньги, дорогая.

Роджер Хинкли пошел на него, сжав кулаки.

– С вашего позволения, сэр, я не закончила, – строго напомнила гувернантка.

И Роджер Хинкли, к собственному удивлению, остановился.

– Ваша кухня не была опоеана, – обращаясь к Генри Эштону, сказала миссис Норидж. – Она лишь притворилась по моей просьбе. Это стоило ей нескольких неприятных минут, но зато теперь, сэр Генри, каждый из нас троих готов дать против вас показания.

Поняв ее замысел, Роджер недобро усмехнулся.

– О, Генри! Это будет лучшая тюремная камера, которую можно обеспечить за деньги.

Первый раз за все время Генри Эштону изменило самообладание. Он вскочил и попятился.

– Шарлотта, ты этого не сделаешь! Я – в тюрьме?! Это невозможно!

– Что остановит меня, Генри? – тихо, но твердо спросила его кухня.

– Я буду умолять тебя! Агнесса будет умолять тебя! Шарлотта, пощади!

Но та отрицательно покачала головой.

– Вам обоим нет прощения. Не из-за того, что вы хотели сделать со мной. Если бы дело заключалось лишь в этом, я бы смогла простить.

– Но что же, что тогда?

– Лилиан, вот что! – звонким от слез голосом сказала Шарлотта. – Вы сделали ребенка заложником своего гадкого замысла. Вы окружили ее душевнобольными!

– Да, это было очень жестоко, – медленно проговорила миссис Норидж. – Пожалуй, самое жестокое из всего, что вы сотворили, мистер Эштон. Ваша дочь, ничего не понимая, смотрела, как ее собственная гувернантка сходит с ума. Ведь от той наставницы, которую она любила, вы предусмотрительно избавились. Безумный дворецкий наводил на Лилиан ужас, из-за кухарки она боялась выходить из комнаты. Самое же страшное заключалось в том, что ее собственные мать и отец никак не развеивали ее страхи. Ведь в противном случае девочка могла вас случайно выдать. У нее оставалась лишь одна отдушина – миссис Пирс. Та самая Шарлотта Пирс, про которую уткой шептались, что она не в себе. Невозможно представить, что творилось в душе Лилиан. Но разве это могло вас остановить?

Генри Эштон сказал, кусая губы:

– Дети быстро забывают свои беды. Немного времени – и Лилиан успокоилась бы. Зато, если б у меня все получилось, ее ждала настоящая жизнь, а не это прозябание!

– Да ты чудовище, – ужаснулась Шарлотта. – Ты и твоя жена! Вы в грош не ставили чувства Лили. А ведь она так боялась! Господи, бедная моя, храбрая моя девочка!

Шарлотта уткнулась в ладони и расплакалась. Роджер Хинкли бросился к ней и бережно обнял.

– Лилиан ведь не пострадала, – попыталась сказать Агнесса.

Но, поймав взгляд Роджера, стыдливо умолкла.

Миссис Норидж скрестила на груди руки:

– Не пострадала? Я до последнего не была уверена, кого вы выберете своей жертвой. Вы могли счесть мистера Хинкли слишком опасным и отвести ему лишь роль свидетеля. Да простит меня бог за эти слова, миссис Эштон, но вы не заслуживаете такого ребенка, как Лилиан. Не сомневаюсь, что судья примет во внимание ваше отношение к родной дочери.

Агнесса вцепилась в мужа.

– Неужели... Неужели вы все-таки отправите нас под суд? – срывающимся голосом проговорила она.

Шарлотта подняла мокрое от слез лицо.

– Да, – без тени сомнения кивнула она.

– Да! – твердо повторил Роджер Хинкли.

– Нет, – сказала миссис Норидж.

– Что?!

Это восклицание издали трое из четверых людей, стоявших вокруг гувернантки. Только Шарлотта молча глядела на нее, но в глазах ее застыл тот же вопрос.

– Нет, – повторила миссис Норидж, – не отправим. При одном условии.

Генри Эштон сглотнул.

– Каком?

Миссис Норидж, что-то обдумывая, подошла к окну и обернулась к ним.

– Если вы подпишете согласие на то, чтобы ваша дочь проводила у миссис Пирс четыре месяца из каждых двенадцати, – отчеканила она. – И шесть месяцев, если девочка сама изъявит на то желание.

После слов миссис Норидж повисло ошеломленное молчание. Роджер еще не успел ничего понять. Агнесса и Генри переглянулись. И вдруг в этой тишине раздался тихий счастливый смех.

Шарлотта Пирс смеялась сквозь слезы.

– Господи, мы согласны, – торопливо проговорила Агнесса. – Согласны!

Миссис Норидж вопросительно взглянула на ее мужа:

– Что вы скажете, сэр Генри?

На лице сэра Генри выразилось такое облегчение, что в его ответе можно было не сомневаться.

– Разумеется, да!

Шарлотта вскочила и схватила Роджера за руку:

– А ты? – она тревожно вглядывалась в него. – Ты согласен?

Роджер покачал головой и улыбнулся:

– Шарлотта, для человека, который знаком со мной двадцать лет, ты удивительно плохо меня знаешь. Конечно же я согласен, любовь моя.

Франция, четыре недели спустя

В саду было тепло и солнечно. Золотистое кружево дрожало на белой скатерти, ненадолго исчезая, если по небу пробегало редкое облако.

Кэтрин подвинула к Эмме Норидж тарелку с яблоками.

– Ранний сорт, дорогая. Я выращиваю его специально для тебя.

Глядя на подругу, немедленно схватившуюся за фруктовый нож, она улыбнулась, но тут же вновь стала серьезной:

– Эмма, у меня нет слов, чтобы поблагодарить тебя. Ты не представляешь, как много сделала для всех нас.

Миссис Норидж снисходительно отмахнулась от похвалы.

Но Кэтрин не унималась:

– Невероятно, до чего быстро тебе удалось распутать этот клубок!

– Скажу без ложной скромности, я прикладывала к этому большие усилия, – сказала миссис Норидж. – У меня был серьезный стимул, чтобы разобраться во всем как можно скорее.

Кэтрин понимающе кивнула и рассмеялась:

– Все дело в девочке, да? Ах, милая Эмма! Говори что хочешь, но твое сердце вовсе не такое каменное, каким ты хочешь его представить.

– Сердце здесь совершенно ни при чем, – заверила миссис Норидж. – Мистер Эштон положил мне тридцать фунтов в год. Неужели ты полагаешь, что я стала бы работать за эти смехотворные деньги больше двух месяцев.